

ДЖОРДЖ
ОРУЭЛЛ

✧
Англия
и англичане
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Джордж Оруэлл

Англия и англичане (сборник)

«АСТ»

1930, 1939, 1941-1947

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Оруэлл Д.

Англия и англичане (сборник) / Д. Оруэлл — «АСТ»,
1930,1939,1941-1947 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-104473-2

Англия. Родина Чарлза Дарвина, Уинстона Черчилля, Олдоса Хаксли... Англичане. Вежливы и законопослушны, всегда встают на защиту слабого, но верны феодальным традициям и предвзято относятся к иностранной кухне... Они нетерпимы к насилию, но при этом не видят ничего плохого в традиционных телесных наказаниях... Английский характер, сама Англия и произведения выдающихся ее умов – Редьярда Киплинга, Т.С. Элиота, Чарлза Диккенса, Генри Миллера – под пристальным вниманием Джорджа Оруэлла! Когда-то эти эссе, неизменно оригинальные, всегда очень личные, бурно обсуждались в английской прессе и обществе. Но и теперь, спустя почти 70 лет, читать их не менее интересно!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104473-2

© Оруэлл Д., 1930,1939,1941-1947
© АСТ, 1930,1939,1941-1947

Содержание

Лев и Единорог: социализм и английский гений[1]	6
Часть I: Англия, твоя Англия	6
Часть II: Лавочники на войне	21
Часть III: Английская революция	29
Лир, Толстой и шут	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джордж Оруэлл

Англия и англичане

Серия «Зарубежная классика»

George Orwell

THE ENGLISH PEOPLE AND OTHER ESSAYS

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of the late Sonia Brownell Orwell и литературных агентств A M Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

© George Orwell, 1930,1939,1941–1947

© Перевод, текст. В. Голышев, 2017

© Перевод, текст. А. Зверев, наследники, 2017

© Перевод, текст. Г. Злобин, наследники, 2017

© Перевод, стихи. Н. Эристави, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Лев и Единорог: социализм и английский гений¹

Часть I: Англия, твоя Англия

1

В то время как я пишу, весьма цивилизованные люди летают над моей головой и пытаются меня убить.

Они не испытывают враждебности ко мне, как к индивиду, и я к ним тоже. Они, как говорится, «только выполняют свой долг». Большинство из них, не сомневаюсь, незлобивые, законопослушные люди, которым и в голову не придет совершить убийство в частной жизни. С другой стороны, если кому-нибудь из них удастся разнести меня на куски точно сброшенной бомбой, он сна из-за этого не лишится. Он служит своей стране, и она вправе отпустить ему грехи.

Увидеть современный мир таким, как он есть, нельзя, не осознав всепобеждающей силы патриотизма, национальной лояльности. В определенных обстоятельствах она ослабевает, на определенных уровнях цивилизации не существует, но как с позитивной силой, с ней не может сравниться ничто. Христианство и интернациональный социализм против нее – как соломинки. Гитлер и Муссолини захватили власть у себя в значительной степени потому, что осознали этот факт, а их противники – нет.

Кроме того, надо признать, что расхождения между нациями обусловлены реальной разницей в мировоззрении. До недавнего времени полагалось делать вид, будто все люди очень похожи, но всякий, кому не отказало зрение, знает, что в среднем человеческое поведение сильно меняется от страны к стране. То, что может произойти в одной стране, не может произойти в другой. «Ночь длинных ножей», например, не могла бы произойти в Англии, а англичане сильно отличаются от других западных людей. Косвенный признак этого – нелюбовь почти всех иностранцев к нашему национальному образу жизни. Немногие европейцы примиряются с жизнью в Англии, и даже американцам часто бывает уютнее в континентальной Европе.

Когда возвращаешься в Англию из чужой страны, сразу возникает ощущение, что дышишь другим воздухом. Об этом тебе дают знать тысячи мелочей. Пиво горше, монеты тяжелее, трава зеленее, реклама крикливее. Толпа в большом городе – спокойные, угловатые лица, плохие зубы, мягкие манеры – отличается от европейской толпы. А потом огромность Англии доходит до вас, и на время вы теряете ощущение, что вся нация имеет единый, узнаваемый характер. Да и есть ли действительно такая вещь, как нация? Разве мы – не сорок шесть миллионов индивидуумов, очень разных? А разнообразие ее, а хаос! Стук деревянных подошв в промышленных городах Ланкашира, мчащиеся грузовики на магистрали Лондон – Эдинбург, очереди перед биржами труда, треск механических бильярдных в пивных Сохо, старые девы на велосипедах, едущие к заутрене в осеннем тумане, – всё это не просто фрагменты, но характерные фрагменты английской жизни. Как сложить целое из этой неразберихи?

¹ Лев и Единорог – геральдические животные на королевском гербе, представляют Англию и Шотландию. – *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

Но поговорите с иностранцами, почитайте иностранные книги или газеты, и вы вернетесь к той же мысли – да, есть что-то особенное и своеобразное в английской цивилизации. Это культура, такая же самобытная, как в Испании. Почему-то она ассоциируется с плотными завтраками и хмурыми воскресеньями, дымными городами и извилистыми дорогами, зелеными полями и красными почтовыми ящиками. У нее собственный аромат. Кроме того, она непрерывна, она простирается в будущее и в прошлое, что-то в ней не умирает, она сохраняется, как живое существо. Что общего у Англии 1940 года и Англии 1840-го? А что общего у вас с пятилетним ребенком, чью фотографию ваша мать держит на камине? Ничего, кроме того, что вы один и тот же человек.

И главное, это ваша цивилизация, это вы. Вы можете проклинать ее или смеяться над ней, но вдали от нее никогда не будете счастливы. Пудинги на сале и красные почтовые ящики запали вам в душу. Хорошее или плохое – это ваше, вы часть этого, и до гроба будете носить отметины, которые оно оставило на вас.

Вместе с тем, Англия, как и остальной мир, меняется. И как все остальное, меняться может только в определенных направлениях, которые, до какой-то степени, можно предвидеть. Это не значит, что будущее предопределено, просто одни варианты возможны, а другие нет. Семя может прорасти или не прорасти, но из семени репы никогда не вырастет свекла. Поэтому, прежде чем гадать о том, какую роль может играть Англия в нынешних грандиозных событиях, очень важно попытаться определить, что такое Англия.

2

Национальные характеристики трудно выделить, а если и выделишь, они зачастую оказываются тривиальными или как будто бы никак не связанными между собой. Испанцы жестоки, как животные, итальянцы ничего не могут сделать, не подняв страшный шум, китайцы склонны к азартным играм. Очевидно, что такие определения сами по себе ничего не значат. Однако ничто не бывает без причины, и тот факт, что у англичан плохие зубы, может кое-что сказать о реалиях английской жизни.

Вот несколько обобщений касательно Англии, на которых сойдутся почти все наблюдатели. Одно – англичане художественно не одарены. Они не музыкальны, как немцы или итальянцы, живопись и скульптура никогда не переживали такого расцвета в Англии, как во Франции. Другое – среди европейцев англичане не интеллектуалы. Абстрактная мысль вызывает у них отвращение, смешанное с ужасом, они не испытывают нужды в какой-либо философии или систематическом «мировоззрении». И не потому, что они «практичны», как они любят себя характеризовать. Стоит только присмотреться к их методам городского планирования и водоснабжения, к тому, как упрямо они цепляются за все устарелое и неудобное, к системе правописания, не поддающейся никакому анализу, к системе мер и весов, понятной только составителям учебников по арифметике, – и сразу видно, как мало они озабочены простой эффективностью. Но у них есть некая способность действовать не размышляя. Их всемирно прославленное лицемерие – например, двуличное отношение к империи – с этим связано. Кроме того, в моменты тяжелого кризиса весь народ способен вдруг сплотиться и действовать как бы инстинктивно, а на самом деле в соответствии с кодексом поведения, почти каждому понятным, хотя никогда не формулируемым. Фраза, которой Гитлер охарактеризовал немцев, – «народ лунатиков», больше подошла бы англичанам. Хотя такое определение не повод для гордости.

Стоит отметить одну второстепенную черту англичан, ярко выраженную, но редко обсуждаемую, – любовь к цветам. Это чуть ли не раньше всего бросается в глаза, когда приезжаешь в Англию из-за границы, особенно из Южной Европы. Противоречит ли это английскому безразличию к искусствам? На самом деле, нет, потому что эту любовь обна-

руживаешь в людях, напроць лишенных эстетического чувства. Однако она связана с другой чертой англичан, настолько для нас характерной, что мы ее почти не замечаем, – это приверженность к разного рода хобби и досужим занятиям, с глубоко частным характером английской жизни. Мы – народ цветоводов, но также собирателей марок, голубятников, столаров-любителей, вырезателей купонов, метателей дротиков, разгадывателей кроссвордов. Вся подлинно близкая сердцу культура сосредоточена вокруг вещей, если даже и общественных, но не официальных: пивная, футбольный матч, садик, кресло перед камином и «добрая чашка чая». В свободу личности верят до сих пор, почти как в девятнадцатом веке. Но это не имеет ничего общего с экономической свободой, с правом эксплуатировать других ради прибыли. Это – свобода иметь собственный дом, делать что хочешь в свободное время, самому выбирать для себя развлечения, а не чтобы их выбирали для тебя наверху. Самый противный для англичанина персонаж – тот, кто сует нос в чужие дела. Очевидно, разумеется, что эта частная свобода – дело проигранное. Как и все современные народы, англичан уже нумеруют, классифицируют, мобилизуют, «координируют». Но инстинкты англичан направлены в противоположную сторону, и регламентация, которую им могут навязать, примет несколько иные формы. Без партийных съездов, без молодежных союзов, без одноцветных рубашек, без травли евреев и «стихийных» демонстраций. И без гестапо, по всей вероятности.

Но обыкновенные люди во всех обществах должны жить более или менее вопреки существующему порядку. Подлинно народная культура Англии есть нечто существующее под поверхностью, неофициально, и власти смотрят на нее скорее неодобрительно. Приглядевшись к простым людям, особенно в больших городах, замечаешь, что они отнюдь не пуритане. Они неутомимые игроки, пьют столько пива, сколько позволяет заработок, обожают грязные анекдоты и сквернословят, наверно, больше любого народа на свете. Эти свои вкусы они вынуждены удовлетворять при наличии поразительно ханжеских законов (законы о продаже спиртного, закон о лотереях и т. п.), которые написаны так, чтобы вмешиваться в жизнь каждого, но на практике ничему не мешают. Кроме того, простые люди лишены определенных религиозных убеждений – и таковы уже не первый век. Англиканская церковь никогда не имела над ними настоящей власти, она была просто заповедником мелкопоместного дворянства, а неконформистские секты влияли только на меньшинство. И все же народ сохранил глубокое христианское чувство, при том что почти забыл имя Христа. Культ силы – новая религия Европы, заразившая английскую интеллигенцию, – не затронула простых людей. Они никогда не следили за державной политикой. «Реализм», проповедуемый итальянскими и японскими газетами, привел бы их в ужас. Об английском духе можно многое понять по комическим цветным открыткам, которые видишь в витринах дешевых канцелярских магазинов. Это нечто вроде дневника, в котором англичане бессознательно изображают себя. Здесь отразились их старомодные взгляды, их классовый снобизм, смесь похабства и лицемерия, их мягкость, глубоко моральное отношение к жизни.

Мягкость английской цивилизации – возможно, самая заметная ее черта. Ее замечаешь сразу, едва ступив на английскую землю. Это земля, где кондукторы автобусов не раздражаются, а полицейские не носят револьверов. Как ни в одной другой стране, населенной белыми, тут можно безнаказанно столкнуть прохожего с тротуара. Отсюда же происходит и то, что европейские наблюдатели списывают на «вырождение» или лицемерие, – английское отвращение к войне и милитаризму. Оно коренится в истории и сильно выражено у рабочего класса и в более бедных слоях среднего. Войны могли его поколебать, но не уничтожили. Еще свежи в памяти те времена, когда «красномундирных» ошикивали на улицах, а хозяева приличных заведений не пускали солдат. В мирный период, даже при двух миллионах безработных, трудно укомплектовать крохотную регулярную армию, где офицерами служат мелкопоместные дворяне или особая прослойка среднего класса, а рядовыми – сель-

скохозяйственные рабочие и пролетарии из трущоб. В массе же народ лишен военных познаний и традиций, и по отношению к войне позиция его оборонительная. Ни один политик не вылезет наверх, посулив завоевания или воинскую «славу». Никакой гимн ненависти еще не находил у людей отклика. В прошлой войне песни, которые сочиняли и пели по собственной воле солдаты, были не воинственными, а насмешливыми и мнимо-пораженческими². Единственным врагом, которого называли вслух, был старшина.

В Англии хвастовство, размахивание флагами, вся эта «Правь, Британия» – занятия крохотного меньшинства. Патриотизм простых людей – не гласный и даже не сознательный. В их исторической памяти не удержалось ни одного названия выигранной битвы. В английской литературе, как и в других литературах, множество стихотворений о битвах, но надо заметить, что во всех, снискавших какую-то популярность, рассказывается о катастрофах и отступлениях.

Нет, например, популярных стихотворений о Трафальгаре или Ватерлоо. Отчаянные арьергардные бои армии сэра Джона Мура в Корунье и ее эвакуация морем (совсем как в Дюнкерке!) привлекают гораздо больше, чем какая-нибудь блестящая победа. Самое волнующее английское батальное стихотворение – о кавалерийской бригаде, атаковавшей на неправильном участке. А из прошлой войны по-настоящему запечатлелись в народной памяти четыре названия: Монс, Ипр, Галлиполи и Пашендаль – катастрофы. Названия великих битв, сокрушивших в конце концов германские армии, широкой публике неизвестны.

Для иностранных наблюдателей английский антимилитаризм отвратителен потому, что он игнорирует существование Британской империи. Выглядит это чистым лицемерием. Как-никак англичане захватили четверть Земли и удерживают ее с помощью громадного флота. Как они смеют выворачивать все наизнанку и говорить, что война – зло?

Это верно, что англичане лицемерны в отношении своей империи. В среде рабочего класса лицемерие заключается в том, что о существовании империи он не знает. Нелюбовь же к регулярной армии живет на уровне инстинкта. Во флоте занято сравнительно мало народа; флот – внешнее оружие, прямо не влияющее на внутреннюю политику. Военные диктатуры существуют повсюду, но диктатуры флота не бывает. Что отвратительно англичанам чуть ли не любого класса – это чванливое офицерье, звяканье шпор и топот сапог. За десятки лет до того, как услышали о Гитлере, слово «прусский» значило в Англии примерно то же, что сейчас «нацистский». Чувство это настолько укоренившееся, что уже лет сто офицеры британской армии в мирное время и вне службы всегда ходят в штатском.

Один внешний, но весьма надежный показатель общественной атмосферы в стране – парадный шаг в армии. Военный парад – на самом деле род ритуального танца, нечто вроде балета, он выражает определенную философию жизни. Гусиный шаг, например, одно из самых жутких зрелищ на свете, гораздо более страшное, чем пикирующий бомбардировщик. Это просто утверждение голый силы; он наводит на мысль – не случайно, намеренно – о сапоге, топчущем лицо. В уродстве этого шага его сущность, он как бы говорит: «Да, я уродлив, и ты не смеешь надо мной смеяться» – как задира, корчащий рожу своей жертве. Почему гусиный шаг не привился в Англии? Видит Бог, тут немало офицеров, которые рады были бы ввести что-нибудь подобное. А не привился он, потому что люди на улице будут смеяться. Выходящая за определенные рамки демонстрация военной силы возможна только в тех странах, где простой народ не осмеливается смеяться над армией. Итальянцы перешли на гусиный шаг приблизительно в то время, когда окончательно подчинились немцам. Правительство Виши, если оно выживет, непременно привет остаткам французской армии более жесткую строевую дисциплину. В британской армии муштра сурова и сложна, полна

² Например: «Не хочу вступать в проклятую армию, Не хочу идти на войну; Больше не хочу скитаться, Я бы лучше сидел дома И жил на содержании у шлюхи». Но воевали они не с таким настроением. – *Примеч. авт.*

воспоминаний о XVIII веке, но упора на шагистику нет; марш – это просто формализованное пешее передвижение. Эта муштра – безусловно, порождение общества, которым правит меч, но меч, никогда не вынимаемый из ножен.

При этом мягкость английской цивилизации сочетается с разнообразным варварством и анахронизмами. Наше уголовное право устарело, как мушкеты в Тауэре. Нацистского штурмовика надо сопоставить с типично английской фигурой – судьей-вешателем, штампуящим свирепые приговоры подагрическим старым злыднем, чье сознание уходит корнями в XIX век. В Англии людей все еще вешают и порют плетью. Оба эти наказания столь же непристойны, сколь и жестоки, но народ против них никогда по-настоящему не протестовал. Народ мирится с ними (и с Дартмуром, и с Борсталом³). Примерно так, как мирятся с погодой. Они – часть «закона», не подлежащего изменению.

Тут мы сталкиваемся с чрезвычайно важной английской чертой: уважением к законности, верой в «закон» как нечто, стоящее выше государства и индивидуума – жестокое и глупое, конечно, но, по крайней мере, неподкупное.

Это не значит, что кто-то считает закон справедливым. Все знают, что для богатых один закон, а для бедных другой. Но вдумываться, делать из этого выводы никто не хочет, все считают само собой разумеющимся, что закон, такой, какой есть, надо уважать, и возмущаются, когда его не уважают. Высказывания наподобие: «Они не могут меня посадить, я ничего неправильного не сделал» или «Они этого не сделают, это против закона» – часть английской атмосферы. У отъявленных врагов общества это чувство так же сильно, как у всех остальных. Это видно и в тюремных книгах, таких, как «У стен есть рты» Уилфреда Макартни или «Тюремный дневник» Джима Фелана, в торжественном идиотизме процессов над людьми, отказавшимися от воинской службы по этическим соображениям, в письмах, посылаемых в газеты видными марксистскими профессорами, указывающими, что то или это является «нарушением британского правосудия». Все верят в душе, что закон может быть, должен быть и в целом будет применен беспристрастно. Тоталитарная идея, что закона нет, а есть только власть, так и не привилась. Даже интеллигенция признала ее только теоретически.

Иллюзия может превратиться в полуправду, маска – изменить выражение лица. В привычных заявлениях, будто демократия – «то же самое, что» тоталитаризм или «ничем не лучше» его, это никогда не учитывается. С таким же успехом можно сказать, что полупустой стакан не лучше пустого. Англичане еще верят в такие понятия, как справедливость, свобода и объективная истина. Это, может быть, иллюзии, но очень действенные иллюзии. Вера в них влияет на поведение, благодаря им жизнь нации выглядит иначе. Доказательство? Посмотрите вокруг себя. Где резиновые дубинки, где касторка? Меч все еще в ножнах, и пока он там, коррупция не может выйти за определенные рамки. Английская избирательная система, например, почти открытое надувательство. Десятками очевидных способов она подстраивается под интересы имущего класса. Но пока сознание общества не изменилось кардинальным образом, она не может быть полностью растленной. Когда вы подходите к избирательной кабинке, вас не встречают люди с револьверами и не говорят вам, как голосовать; результаты выборов не подтасовываются, и откровенного подкупа нет. Даже лицемерие – сильный тормоз. Судья-вешатель, злобный старик в парике из конского волоса и в красной мантии, которому без помощи динамита не внушить, в каком веке он живет, но который, во всяком случае, не будет толковать закон вкривь и вкось и ни при каких обстоятельствах не примет взятку, этот судья – одна из символических для Англии фигур. Это – воплощение странной смеси из реализма и иллюзий, демократии и привилегий, притворства и порядочности, тонкой системы компромиссов, благодаря которым нация сохраняет свою привычную форму.

³ Дартмур – знаменитая тюрьма; Борстал – исправительное учреждение для малолетних преступников.

3

Я все время говорил «нация», «Англия», «Британия» так, словно сорок пять миллионов душ – это нечто единое. Но разве не известно всем, что Англия – это две нации, богатых и бедных? Станет ли кто изображать, будто есть что-то общее между людьми с годовым доходом в 100 тысяч фунтов и людьми, зарабатывающими один фунт в неделю? И даже в Уэльсе и Шотландии читателей покоробит то, что слово «Англия» я употребляю чаще, чем «Британия», как будто все население сосредоточено в Англии, в центральных графствах, а ни на севере, ни на западе нет своей культуры. Этот вопрос немного прояснится, если начать с второстепенного момента. Факт, что народы Британии видят между собой большие различия. Шотландец, например, не скажет вам «спасибо», если вы назовете его англичанином. Наша неуверенность в этом вопросе проявляется в том, что мы называем наши острова не меньше чем шестью именами: Англия, Британия, Великобритания, Британские острова, Соединенное Королевство и, в особо торжественные минуты, Альбион. Большими в наших глазах выглядят даже различия между Северной и Южной Англией. Но в ту минуту, когда любые два британца сталкиваются с европейцем, эти различия почему-то исчезают. Очень редко встретишь иностранца (если не считать американцев), который видит разницу между англичанами и шотландцами или даже между англичанами и ирландцами. Французу бретонец и овернец кажутся очень разными людьми, а марсельский акцент – излюбленный предмет шуток в Париже. Однако мы говорим «Франция» и «французы», видя во Франции цельный организм, единую цивилизацию, как оно на самом деле и есть. Так же и с нами. На взгляд постороннего, даже между кокни и йоркширцем есть сильное семейное сходство.

Даже разница между богатыми и бедными не так заметна, когда смотришь на народ со стороны. Об имущественном неравенстве в Англии говорить излишне. Оно больше, чем в любой европейской стране, и чтобы увидеть это, достаточно выглянуть на улицу. В экономическом смысле Англия – определенно две нации, если не три или четыре. И в то же время огромное большинство людей ощущают себя единой нацией и сознают, что друг на друга похожи больше, чем на иностранцев. Патриотизм обычно сильнее классовой ненависти и всегда сильнее какого угодно интернационализма. За исключением короткого периода в 1920 году («Руки прочь от России»), британский рабочий класс никогда не мыслил и не действовал в духе интернационализма. Два с половиной года рабочие наблюдали, как медленно удушают их товарищей в Испании, и ни разу не поддержали их хотя бы забастовкой⁴. Но когда в опасности оказалась их страна, страна лорда Наффилда и мистера Монтегю Нормана⁵, они повели себя совсем иначе. Когда Англии грозило вторжение, Энтони Иден обратился по радио с призывом записываться в отряды местной самообороны. В течение суток записалось четверть миллиона человек и в первый же месяц – еще миллион. Достаточно сравнить эти числа с числом людей, отказавшихся от воинской службы по этическим соображениям, чтобы понять, насколько традиционные ценности оказались важнее новых.

У разных классов в Англии патриотизм принимает разные формы, но проходит сквозь все общество, как связующая нить. Он чужд только европеизированной интеллигенции. Как позитивное чувство, он сильнее в средних слоях, чем в высших: например, дешевые частные школы больше склонны к патриотическим демонстрациям, чем дорогие; но число богатых изменников типа Квислинга и Лавалья, вероятно, очень мало. Патриотизм рабочего класса – глубокий, но бессознательный. Сердце рабочего не затрепещет при виде Юнион Джека.

⁴ Правда, в какой-то мере им помогали деньгами. Но суммы, собранные разными фондами в помощь Испании, не достигли и пяти процентов оборота футбольных тотализаторов за тот же период.

⁵ Монтегю Норман – директор Английского банка, поддерживал нацистские монополии.

Но пресловутый «изоляционизм» и «ксенофобия» англичан гораздо сильнее развиты у рабочего класса, чем у буржуазии. Во всех странах бедные – большие националисты, чем богатые; но английские рабочие выделяются своим отвращением к иностранным обычаям. Даже когда им приходится жить за границей годами, они не желают привыкать к иностранной пище и учиться иностранному языку. Чуть ли не все англичане рабочего происхождения считают неприличным для мужчины правильно произносить иностранные слова. Во время Первой мировой войны контакты английских рабочих людей с иностранцами приняли невиданные масштабы. Единственное, что они вынесли оттуда, – отвращение ко всем европейцам, кроме немцев, чьей храбростью они восхищались. За четыре года пребывания на французской земле они не приобрели даже вкуса к вину. Изолированность англичан, их нежелание принимать иностранцев всерьез – это глупость, за которую время от времени приходится дорого платить. Но они – часть английской загадки, а интеллектуалы, которые пытались с этим покончить, чаще приносили больше вреда, чем пользы. По сути, это – то же свойство английского характера, которое отталкивает туристов и помогает отразить захватчика. Здесь мы возвращаемся к двум английским особенностям, которые я назвал как бы наобум в начале прошлой главы. Одна – отсутствие художественных способностей. Можно было бы сказать иначе: Англия находится вне европейской культуры. Ибо есть одно искусство, где она отличалась изобилием талантов, – литература. Но это как раз единственное искусство, которое не может пересекать границы. Литература, особенно поэзия, и прежде всего лирическая поэзия, – это нечто вроде семейной шутки, мало значащая или ничего не значащая за пределами своего языка. За исключением Шекспира, лучшие английские поэты почти неизвестны в Европе, даже по именам. Широко читаемы только Байрон, которым восхищаются не за то, да Оскар Уайльд, которого жалеют как жертву английского ханжества. И с этим связан, хотя не слишком очевидно, недостаток философских способностей, отсутствие почти у всех англичан потребности в упорядоченной системе мыслей или даже стремления к логике.

До какой-то степени чувство национального единства заменяет «мировоззрение». Поскольку патриотизм здесь почти всеобщий и не чужд даже богатым, бывают такие моменты, когда вся нация вдруг поворачивается разом и действует одинаково, как стадо, встретившее волка. Таким моментом была, безусловно, катастрофа во Франции. После восьми месяцев вялого недоумения, что это вообще за война, люди вдруг поняли, что им надлежит делать: во#первых, увести армию из Дюнкерка и, во#вторых, предотвратить вторжение. Словно великан пробудился. Быстро! Филистимляне идут на тебя, Самсон! И затем стремительное единодушное действие – затем, увы, снова погружение в сон. В разделенной нации как раз в такой момент должно было бы возникнуть сильное движение за мир. Но значит ли это, что инстинкт англичан всегда подсказывает им правильные поступки? Отнюдь нет, он лишь велит им поступать одинаково. Например, на выборах 1931 года мы в полном единодушии поступили ошибочно. Мы были целеустремленны, как гадаринские свиньи. Но мы, безусловно, не можем сказать, что нас толкнули под уклон против нашей воли. Отсюда следует, что британская демократия не такое надувательство, как иногда кажется. Иностраный наблюдатель видит только колоссальное имущественное неравенство, несправедливую избирательную систему, правительственный контроль над прессой, радио и образованием и заключает, что демократия просто вежливое название диктатуры. При этом не учитывается существенное согласие, к сожалению, существующее между вождями и ведомыми. Как ни противно это признать, нет почти никаких сомнений в том, что между 1931 и 1940 годами правительство отражало волю массы народа. Оно мирилось с трущобами, безработицей и вело трусливую внешнюю политику. Да, но таково же было общественное мнение. Это был период застоя, и, естественно, во главе стояли посредственности.

Несмотря на кампании нескольких тысяч леваков, можно не сомневаться, что большинство английского народа поддерживало внешнюю политику Чемберлена. Больше того,

можно не сомневаться, что в мозгу Чемберлена происходила та же борьба, что и в умах рядовых людей. Оппоненты представляли его коварным интриганом, задумавшим продать Англию Гитлеру, но, скорее всего, он был просто глупым стариком, старавшимся в меру своих убогих способностей сделать Англии лучше. Иначе трудно объяснить противоречивость его политики и то, что он не воспользовался ни одним из путей, которые были перед ним открыты. Как и большинство народа, он не хотел заплатить полагающуюся цену ни за мир, ни за войну. И все это время за ним стояло общественное мнение – стояло за политическими действиями, совершенно не совместимыми между собой. Оно стояло за ним, когда он отправился в Мюнхен, когда пытался найти взаимопонимание с Россией, когда дал гарантии Польше, когда выполнил их и когда нерешительно вел войну. И лишь когда результаты его политики стали очевидны, оно отвернулось от него; иначе говоря, проснулось после семилетней летаргии. Тогда люди выбрали руководителя, больше отвечавшего их настроениям, – Черчилля, который по крайней мере способен был понять, что войны без боя не выигрываются. Позже, возможно, они найдут другого руководителя, который поймет, что эффективно сражаться могут только социалистические нации.

Хочу ли я этим сказать, что Англия – подлинная демократия? Нет, этому не поверит даже читатель «Дейли телеграф».

Англия – самое классовое общество под солнцем. Это страна снобизма и привилегий, управляемая, по большей части, старыми и глупыми. Но при любых рассуждениях о ней надо принимать во внимание ее эмоциональное единство, склонность почти всех ее обитателей в критические моменты чувствовать одинаково и действовать вместе. Это единственная великая держава в Европе, которая не считает нужным загонять сотни тысяч своих подданных в ссылку или в концлагерь. Сейчас, после года войны, газеты и брошюры, поносящие правительство, восхваляющие врага и громко требующие капитуляции, продаются на улице почти беспрепятственно. И дело здесь не столько в уважении к свободе слова, сколько в простом сознании, что все это ничего не значит. Продавать газету, подобную «Пис ньюс», безопасно, потому что 95 процентов населения наверняка не захотят ее читать. Нация связана воедино невидимой цепью. В обычное время правящий класс будет грабить, плохо управлять, саботировать, тащить нас в болото; но когда общественное мнение подаст голос, чувствительно потревожит его снизу, ему будет трудно не отреагировать. Левые авторы, обличающие весь правящий класс как «профашистский», чрезмерно упрощают дело. Даже в узком кружке политиков, которым мы обязаны нынешней критической ситуацией, вряд ли найдутся сознательные предатели. Испорченность такого рода в Англии редка. Почти всегда она имеет скорее характер самообмана, когда правая рука не знает, что делает левая. И будучи бессознательной, она не переходит каких-то границ. Лучше всего это видно по английской прессе. Честна английская пресса или бесчестна? В обычное время она глубоко бесчестна. Все влиятельные газеты живут рекламой, и рекламодатели осуществляют косвенную цензуру новостей. Но я не думаю, что в Англии есть хоть одна газета, которую можно прямо подкупить деньгами. Во французской Третьей республике все газеты, за исключением очень немногих, можно было купить открыто, как несколько фунтов сыра. Общественная жизнь в Англии никогда не была открыто скандальной. Она не достигла той степени разложения, когда можно свободно запустить «утку».

Англия – не «царственный остров» из заезженной фразы Шекспира, но и не ад, изображаемый доктором Геббельсом. Гораздо больше она напоминает семью, довольно консервативную викторианскую семью, где выроdkов мало, но очень много разнообразных скелетов в чуланах. У нее есть богатые родственники, перед которыми надо лебезить, и бедные родственники, которых можно травить, и есть круговая порука молчания касательно источника семейных доходов. Это семья, где молодых придерживают, а распоряжаются, по большей части, безответственные дядя и прикованные к постели тетki. И все же это – семья. У нее

свой язык и общие воспоминания, и при появлении врага она смыкает ряды. Семья, во главе которой не те люди, – и точнее, наверное, Англию одной фразой не опишешь.

4

Битва при Ватерлоо, возможно, и была выиграна на спортивных площадках Итона⁶, но начальные сражения последующих войн были там же проиграны. Одной из определяющих черт английской жизни в последние три четверти века был упадок способностей правящего класса. В годы между 1920-м и 1940-м он происходил со скоростью химической реакции. Однако, когда пишутся эти строки, говорить о правящем классе все еще можно. Подобно ножу, у которого сменили два лезвия и три рукояти, верхушка английского общества остается почти такой же, как в середине XIX века. После 1832 года старая земельная аристократия постепенно утрачивала власть, но вместо того, чтобы исчезнуть или превратиться в ископаемое, она просто пережилась с купцами, промышленниками и финансистами, заменившими ее, и вскоре превратила их в точную свою копию. Богатый овцевод или текстильщик устроился на манер помещика, а его сыновья обучились правильным манерам в частных школах, специально для этого и созданных. Англией правила аристократия, постоянно пополнявшая свои ряды выскочками. Учитывая, какой энергией обладают люди, выбившиеся из низов, и то, что они покупали себе место в классе, имевшем традицию службы обществу, можно было бы ожидать появления способных правителей.

Однако правящий класс почему-то приходил в упадок, утрачивал способности, отвагу и, наконец, даже безжалостность, и вот наступило время, когда такие чопорные нафталиновые господа, как Иден или Галифакс, представляются выдающимися талантами. Что до Болдуина, то для него даже «нафталиновый» было бы комплиментом. Он являл собой просто дыру в воздухе⁷. Если английская внутренняя политика в 1920-х годах была беспомощной, то внешняя политика Британии между 1931 и 1939 годами – одно из чудес света. Почему? Что случилось? Что за могучий инстинкт заставлял каждого британского руководителя в каждый решительный момент поступать неправильно?

В основе всего этого лежал тот факт, что положение имущего класса давно уже ничем не оправдано. Вот он сидел в центре громадной империи и всемирной финансовой системы, получая прибыли и проценты с капитала и тратя их – на что? Верно, что жизнь внутри Британской империи была по многим показателям лучше, чем жизнь вне ее. И однако империя была слаборазвитой, Индия дремала в Средних веках, доминионы лежали пустые, ревниво оберегаясь от приезжих, и даже в Англии было полно трущоб и безработных. Несомненную выгоду от существующей системы получали какие-нибудь полмиллиона людей, владевших загородными домами. Вдобавок тенденция к слиянию мелких предприятий в крупные компании лишала все больше и больше представителей имущего класса их функций и превращала их лишь во владельцев, а работу за них стали выполнять штатные менеджеры и техники. Уже долгое время в Англии существовал класс людей, лишенных каких бы то ни было функций, живущих на деньги, вложенные уже не припомнить во что, «праздных богатых», людей, чьи фотографии вы можете увидеть в «Татлере» и «Байстендере», при условии, конечно, что вам этого захочется. Существование этих людей никакими критериями не оправдано. Они были просто паразитами, еще менее полезными для общества, чем блохи для собаки.

⁶ Фраза герцога Веллингтона.

⁷ Энтони Иден – английский государственный деятель, премьер-министр (1955–1957). Эдуард Галифакс – английский государственный деятель, вице-король Индии (1926–1931), министр иностранных дел (1938–1940). Стэнли Болдуин – английский государственный деятель, премьер-министр (1924–1924, 1924–1929, 1935–1937).

В 1920 году это понимали уже многие. В 1930-м – миллионы. Но британский правящий класс явно не мог признать себе, что становится бесполезным. Признавшись, он вынужден был бы отречься от власти. Ибо для этих людей невозможно было превратиться просто в бандитов, подобно американским миллионерам, сознательно цепляться за несправедливые привилегии и укрощать оппозицию с помощью взяток и слезоточивого газа. Как-никак они принадлежали к классу с определенными традициями, они учились в закрытых школах, где обязанность умереть за свою страну в случае нужды преподносилась как первая и главная заповедь. Они должны были чувствовать себя патриотами, при том что грабили своих соотечественников. Ясно, что выход у них был только один – в глупость. Держать общество в прежнем состоянии они могли только за счет того, что не способны были вообразить никаких возможностей улучшения. С трудом, но они этого достигли – устремив взгляд в прошлое и отказываясь замечать перемены, происходящие вокруг.

Это многое объясняет в Англии. Объясняет упадок сельской жизни, обусловленный сохранением фальшивого феодализма, который сгоняет с земли самых усердных работников. Объясняет косность закрытых школ, едва ли изменившихся с 80-х годов прошлого века. Объясняет военную некомпетентность, снова и снова изумлявшую мир. С 50-х годов прошлого века каждая война, в которую вступала Англия, начиналась серией катастроф, после чего положение выправляли люди сравнительно низкого социального происхождения. Высшее командование, формировавшееся из аристократии, никогда не умело подготовиться к современной войне – чтобы подготовиться, этим людям пришлось бы признать, что мир меняется. Они всегда цеплялись за устаревшие методы и вооружение, потому что в каждой войне неизменно видели повторение предыдущей. Перед бурской войной они готовились к войне с зулусами, перед 1914-м – к бурской войне и перед нынешней – к войне 1914 года. Даже сейчас сотни тысяч мужчин в Англии обучаются работе штыком, оружием, совершенно бесполезным и пригодным разве что для открывания консервных банок. Стоит отметить, что флот, а в последнее время и воздушные силы действуют эффективнее, чем регулярная армия. Но флот лишь частично находится в орбите правящего класса; авиация же – вообще вне ее.

Надо признать, что в спокойное время методы британского правящего класса служили ему неплохо. Народ явно его терпел. При том, как несправедливо организована Англия, ее, по крайней мере, не раздирали классовые войны и не изводила тайная полиция. Империя была мирной, как ни одна область, сравнимая с ней по величине. На всем ее громадном пространстве – около четверти земной поверхности – было меньше вооруженных людей, чем считало нужным для себя какое-нибудь мелкое балканское государство. Для подданных, если смотреть на британский правящий класс с чисто либеральной, негативной точки зрения, он имел свои положительные стороны. Он был предпочтительнее подлинно современных правителей, нацистов и фашистов. Но было совершенно очевидно, что он окажется беспомощным перед серьезным нападением извне.

Эти люди не могли бороться с нацизмом и фашизмом, потому что не понимали их. Не смогли бы они бороться и с коммунизмом, если бы коммунизм представлял собой серьезную силу в Западной Европе. Чтобы понять фашизм, им пришлось бы изучить теорию социализма, и она показала бы им, что живут они в несправедливой, неэффективной и устарелой экономической системе. Но именно этот факт они учились так долго не замечать. Они относились к фашизму так же, как кавалерийские генералы 1914 года к пулеметам, – игнорировали его. За годы агрессии и резни они усвоили только одно: что Гитлер и Муссолини враждебны коммунизму. Отсюда делался вывод, что эти двое должны быть дружественны британскому получателю дивидендов. Отсюда – поистине страшный спектакль: консервативные члены парламента бурно радуются известию о том, что британские суда, везшие продовольствие республиканскому правительству Испании, атакованы итальянскими самолетами.

тами. Даже когда до них стало доходить, что фашизм опасен, его революционный характер, колоссальная военная машина, которую он способен создать, и тактика, которую он намерен использовать, – были выше их понимания. Во время гражданской войны в Испании всякий, чьи политические познания ограничивались шестипенсовой брошюрой о социализме, понимал, что, если Франко победит, это будет стратегическим несчастьем для Англии; но генералы и адмиралы, всю жизнь посвятившие изучению военного дела, не в силах были осознать этот факт. Политическим невежеством такого рода заражен весь английский офицюз – министры в правительстве, послы, консулы, судьи, магистраты, полицейские. Полисмен, который арестовывает «красного», не понимает теорий, проповедуемых «красным»; если бы понимал, его положение телохранителя при имущем классе, возможно, показалось бы ему менее приятным. Есть основания думать, что даже военному шпионажу крайне мешает незнание новых экономических доктрин и разветвленной сети подпольных партий.

Британский правящий класс не совсем ошибался, полагая, что фашизм на его стороне. Известно, что для богатого человека, если он не еврей, фашизм не так страшен, как коммунизм или демократический социализм. Этот факт ни в коем случае нельзя забывать, поскольку немецкая и итальянская пропаганда нацелены на то, чтобы его скрыть. Врожденный инстинкт таких людей, как Саймон, Хоур, Чемберлен и прочие, толкает их к соглашению с Гитлером⁸. Но – я говорил уже об этой особенности английской жизни – тут вмешивается глубокое чувство национальной солидарности: подружиться с ним они смогли бы, лишь разрушив империю и продав свой народ в полурабство. Подлинно растленный класс сделал бы это без колебаний, как во Франции. Но в Англии дело так далеко не зашло. В Англии вряд ли найдутся политики, способные произносить пресмыкательские речи о «долге лояльности перед нашими завоевателями». Мечущиеся между своими доходами и своими принципами – что могли сделать люди, подобные Чемберлену, кроме как напортачить и там, и там? Но есть один признак, постоянно свидетельствовавший о моральном здоровье английского правящего класса: во время войны он готов подвергнуть свою жизнь опасности. Несколько герцогов и графов были убиты во время недавней кампании во Фландрии. Такого бы не случилось, если бы эти люди были циничными негодяями, какими их иногда объявляют. Надо правильно понимать их мотивы, иначе нельзя предсказать их действия. Ожидать от них надо не предательства, не физической трусости, а глупости, бессознательного саботажа, безотказного инстинкта делать не то, что надо. Они не безнравственны или не вполне безнравственны; они просто не обучаемы. Только когда кончатся их деньги и власть, младшие среди них начнут понимать, в каком веке они живут.

5

Застой в империи в межвоенные годы затронул в Англии всех, но особенно повлиял на две важные прослойки среднего класса. На военную и империалистическую его составляющую, известную под прозвищем «Блимпы»⁹, и на левую интеллигенцию. Эти два как будто бы враждебных типа, полярно противоположных – старый полковник на половинном окладе, с его бычьей шеей и миниатюрным, как у динозавра, мозгом, и интеллигент с высоким лбом и тонкой шеей, – духовно связаны между собой и постоянно взаимодействуют; во всяком случае, нередко происходят из одних и тех же семей.

⁸ Джон Саймон – британский юрист и политик, возглавлял империалистическое крыло либеральной партии. Сэмюэл Хоур – английский государственный деятель. Поддерживал Муссолини во время абиссинской войны.

⁹ «Полковник Блимп» – по имени комического персонажа карикатур Дэвида Лоу – пожилой человек со старомодными и очень консервативными политическими взглядами и чрезмерно высоким представлением о собственной важности.

Тридцать лет назад Блимпы уже стали терять свою жизненную силу. Семьи среднего класса, воспетые Кипплингом, плодовые, малообразованные семьи, чьи сыновья служили офицерами в армии и флоте и роились во всех пустынных местах земли, от Юкона до Иравади, еще до 1914 года пошли на убыль. Убил их телеграф. В сужающемся мире, все в большей степени управляемом с Уайтхолла, с каждым годом оставалось все меньше места для личной инициативы. Люди, подобные Клайву, Нельсону, Николсону, Гордону¹⁰, не нашли бы себе применения в сегодняшней Британской империи. К 1920 году контроль Уайтхолла распространился чуть ли не на каждый дюйм колониальной империи. Благонамеренные, сверхцивилизованные люди в темных костюмах и черных фетровых шляпах, с аккуратными свернутыми зонтиками, навязывали свой косный взгляд на жизнь в Малайе и Нигерии, Момбасе и Мандалау. Строители империи были низведены до положения клерков, погребенных под растущими горами бумаг. В начале 20-х годов по всей империи можно было наблюдать, как старые чиновники, еще помнившие о более вольных днях, беспомощно корчились под катком перемен. С этого времени стало почти невозможно привлечь сильных духом молодых людей к участию в имперской администрации. Так обстояло дело в официальном мире, так же – в коммерческом. Большие монополии тысячами заглатывали мелких торговцев. Вместо того чтобы пуститься в рискованную торговлю у берегов Индийского океана, человек садился на конторский стул в Бомбее или Сингапуре. И жизнь в Бомбее или Сингапуре была еще скучнее и надежнее, чем в Лондоне. Империалистические настроения у среднего класса оставались сильными, главным образом из-за семейной традиции, но работа имперского администратора уже не привлекала. Немногие способные люди отправлялись к востоку от Суэца, если была возможность этого избежать.

Но общее ослабление империализма и, в какой-то мере, всего британского духа, происходившее в 1930-х годах, частично было делом рук левой интеллигенции, которая, в свою очередь, была продуктом имперского застоя.

Надо сказать, что сейчас нет интеллигенции, которая не была бы в каком-то смысле «левой». Последним правым интеллектуалом был, возможно, Т. Э. Лоуренс¹¹. Примерно с 1930 года всякий, кого можно назвать «интеллектуалом», жил в состоянии хронического недовольства существующим порядком. И неудивительно, поскольку в обществе для него не находилось места. В застойной империи, которая не развивалась и не разваливалась на части, и в Англии, где правили люди, чьим главным достоинством была глупость, «умный» неизбежно находился под подозрением. Если у вас хватало ума, чтобы понять стихотворения Т. С. Элиота или теории Карла Маркса, начальство позаботилось бы, чтобы не допустить вас ни до какой важной работы. Интеллектуалы могли найти себя только в писании рецензий и в партийной деятельности левого толка.

Умонастроения левой английской интеллигенции можно изучать по пяти-шести еженедельникам и ежемесячникам. Первое, что бросается в глаза при чтении этой прессы, – недовольный, раздраженный тон, полное отсутствие конструктивных предложений. Здесь мало что найдешь, кроме безответственной воркотни людей, не причастных и не рассчитывающих быть причастными к власти. Другая отличительная характеристика – эмоциональная ограниченность, свойственная тем, кто живет в мире идей и мало соприкасается с физической реальностью. В 1935 году многие левые интеллектуалы были дряблыми пацифистами, в 1935–1939-м они истошно требовали войны с Германией и тут же притихли, когда война

¹⁰ Роберт Клайв – британский военный и государственный деятель. В ходе войны 1746–1763 годов вытеснил французов из Индии. Был губернатором Бенгалии. Джон Николсон – британский генерал, участвовал в подавлении восстания сипаев в 1857 году. Погиб в сентябре того же года при штурме Дели. Чарлз Гордон – британский генерал, участник Крымской войны. Участвовал в подавлении тайпинского восстания в Китае и восстания Махди в Судане. Убит под Хартумом в 1885 году.

¹¹ Томас Эдуард Лоуренс – Лоуренс Аравийский, британский разведчик и писатель. В 1914–1918 годах участвовал в борьбе арабов за освобождение из-под власти Турции.

началась. В общем, хотя и не вполне точно, можно утверждать, что самые рьяные «антифашисты» времен гражданской войны в Испании сейчас самые большие пораженцы. А в основе этого – действительно важная особенность многих английских интеллигентов: их оторванность от общей культуры страны.

По своим намерениям, во всяком случае, английская интеллигенция европеизирована. Кухню она предпочитает парижскую, а идеи московские. В общем патриотизме страны она образует некий остров диссидентской мысли. Англия – возможно, единственная великая держава, чьи интеллектуалы стыдятся своей национальности. В левых кругах всегда живет чувство, что быть англичанином слегка неприлично и что ты обязан смеяться над всеми английскими институтами, от скачек до пудинга. Странный, но несомненный факт: чуть ли не каждый английский интеллектуал счел бы более стыдным встать по стойке «смирно» при исполнении гимна, чем украсть из церковной кружки. В критические годы многие левые подтачивали английский моральный дух, распространяя настроения то жидко-пацифистские, то яростно прорусские, но всякий раз антибританские. Трудно сказать, большой ли это имело эффект, но какой-то эффект имело. Если английский народ действительно переживал в течение нескольких лет упадок духа, так что фашистские страны сочли его «вырождающимся» и без опаски начали войну, то отчасти виной этому интеллектуальный саботаж левых. «Нью стейтсмен» и «Ньюс кроникл» громко возмущались мюнхенскими соглашениями, а между тем и сами им поспособствовали. Десять лет систематической травли «Блиппов» подействовали даже на самих Блиппов, и привлечь в вооруженные силы умных молодых людей стало труднее. Из-за общего застоя в империи военный средний класс и так пришел бы в упадок, но распространение легковесного левачества ускорило этот процесс.

Ясно, что специфическая позиция английских интеллектуалов, как силы чисто негативной, просто-напросто противников военщины, была результатом глупости правящего класса. Общество не нашло им применения, а им самим не хватило ума понять, что преданность своей стране подразумевает «в горе и в радости». И Блиппы, и интеллектуалы приняли как нечто самой собой разумеющееся, как закон природы – несовместимость патриотизма с умом. Если вы патриоты, то читаете «Блэквуд мэгэзин» и во всеуслышание благодарите Бога за то, что вы не «умник». Если вы интеллектуал, то смеетесь над флагом и физическую смелость считаете варварством. Ясно, что этому нелепому размежеванию должен прийти конец. Высоколобый Блумсбери с его механической усмешкой так же устарел, как кавалерийский полковник. И тот, и другой для современной страны – чрезмерная роскошь. Патриотизм и ум должны снова соединиться. И тот факт, что мы ведем войну, войну весьма необычную, подталкивает к этому.

6

Одним из важнейших явлений в Англии на протяжении последних двадцати лет было расширение среднего класса вверх и вниз. Масштабы его таковы, что прежнее подразделение общества на капиталистов, пролетариев и мелких буржуа (мелких собственников) выглядит довольно устарелым.

Англия – это страна, где собственность и финансовая власть сосредоточены в очень немногих руках. Очень немногие в современной Англии владеют чем бы то ни было, кроме одежды, мебели и, возможно, дома. Крестьянство давно исчезло, независимого лавочника уничтожают, численность мелких предпринимателей падает. Но в то же время современная промышленность настолько сложна, что не может обойтись без большого числа менеджеров, торговцев, инженеров, химиков и техников, получающих сравнительно большие жалованья. А без них не существовал бы столь многочисленный класс других профессионалов – вра-

чей, адвокатов, учителей, художников и т. д. Таким образом, при развитом капитализме есть тенденция к расширению среднего класса, а не к его исчезновению, как некогда казалось.

Но еще важнее распространение идей и обычаев среднего класса среди рабочих. Британский рабочий класс сегодня во всех отношениях обеспечен лучше, чем тридцать лет назад. Отчасти это связано с усилиями профсоюзов, но отчасти – просто с развитием физической науки. Не все отдадут себе отчет в том, что в довольно узких пределах уровень жизни может повыситься без соответствующего повышения реальной заработной платы. Цивилизация обладает определенным потенциалом роста. Как бы несправедливо ни было организовано общество, технический прогресс приносит пользу всем его членам, потому что некоторые блага неизбежно оказываются общими. Миллионер, например, не может осветить улицы для себя и затемнить для других. Почти все граждане цивилизованных стран пользуются теперь хорошими дорогами, обеззараженной водой, полицейской защитой, бесплатными библиотеками и каким-никаким бесплатным образованием. Народное образование в Англии сидело на голодном пайке и, тем не менее, улучшалось – главным образом, благодаря самоотверженности учителей, – и необычайно возросло количество читающего народа. Богатые и бедные все чаще читают одни и те же книги, они видят одни и те же фильмы, слушают одни и те же радиопередачи. Разница в их образе жизни уменьшилась благодаря массовому производству дешевой одежды и росту жилищного строительства. Внешне одежда богатых и бедных, особенно у женщин, отличается гораздо меньше, чем тридцать и даже пятнадцать лет назад. Что касается жилья, в Англии до сих пор есть трущобы, представляющие собой позор цивилизации, но последние десять лет строительство велось интенсивно, в основном местными властями. Современный муниципальный дом с ванной и электричеством меньше, чем вилла биржевого брокера, но в принципе это такой же дом, в отличие от коттеджа сельскохозяйственного рабочего. Человек, выросший в муниципальном микрорайоне, скорее всего, будет похож – внешне, во всяком случае, – на представителя среднего класса, а не на обитателя трущоб.

Все это привело к общему смягчению нравов. Ему способствовало и то, что современное промышленное производство требует меньше физических усилий, и после рабочего дня у человека остается больше энергии. Многие рабочие в легкой промышленности – в меньшей степени работники физического труда, чем врачи или бакалейщики. По своим вкусам, привычкам, манерам и внешнему виду рабочий класс и средний класс сближаются все больше. Неравенство остается, но реальная разница уменьшается. «Пролетарий» прежних времен – без воротничка, небритый, с печатью тяжелого труда на всем облике – еще существует, но таких становится все меньше; преобладает этот тип только в районах тяжелой промышленности на севере Англии.

После 1918 года возникло нечто, прежде не существовавшее в стране: люди неопределенного социального положения. В 1910 году любого человека на наших островах можно было мгновенно «определить» по манерам, одежде и выговору. Теперь это не так, и прежде всего – в новых городских конгломератах, образовавшихся в результате перемещения промышленности на юг и развития дешевого автотранспорта. Зачатки будущей Англии надо искать в районах легкой промышленности и вдоль транспортных артерий. В Слау, Дагенеме, Барнете, Летчворте, Хейсе – да повсюду на окраинах больших городов – старый уклад постепенно сменяется чем-то новым. В этих дебрях из кирпича и стекла резкие контрасты, присущие старым городам, с их трущобами и особняками, и сельскими районами – с барскими домами и убогими коттеджами, уже отсутствуют. Есть громадное неравенство доходов, но образ жизни на разных уровнях приблизительно одинаков – в рационально спроектированных квартирах, в муниципальных домах, вдоль бетонных дорог и в голой демократии плавательных бассейнов. Это довольно суетливая, малокультурная жизнь, атрибуты которой – консервированная пища, «Пикчер пост», радио и двигатель внутреннего сгорания. Это цивили-

лизация, где дети досконально знают магнето и совсем не знают Библии. К этой цивилизации принадлежат люди, чувствующие себя своими в современном мире, и подлинные ее представители – техники и высокооплачиваемые квалифицированные рабочие, летчики и их механики, радиоинженеры, кинопродюсеры, популярные журналисты и промышленные химики. Это – неопределенная прослойка, где прежние классовые различия начинают стираться.

Нынешняя война, если нас не победят, сметет большинство существующих классовых привилегий. Людей, желающих сохранить их, остается все меньше. И нам не надо бояться, что из-за этих изменений жизнь в Англии утратит свой особый аромат. Новые кирпичные города Большого Лондона достаточно грубы, но это только прыщи, сопутствующие созреванию. В каком бы виде ни вышла из войны Англия, ей все равно будут присущи характеристики, о которых я говорил выше. Интеллектуалы, надеющиеся увидеть нас русифицированными или онемеченными, будут разочарованы. Мягкость, лицемерие, бездумность, почтение к закону и отвращение к мундиру останутся – вместе с пудингами на сале и мглистым небом. Чтобы уничтожить национальную культуру, требуется колоссальная катастрофа, такая, как длительное подчинение иностранному врагу. Фондовая биржа рухнет, конный плуг уступит место трактору, сельские дома превратятся в детские лагеря отдыха, матчи Итон – Харроу канут в прошлое, но Англия останется Англией, вечным организмом, простирающимся в будущее и в прошлое и, как всякое живое существо, обладающим способностью изменяться до неузнаваемости и при этом оставаться собой.

Часть II: Лавочники на войне

1

Я начал эту книгу под вой немецких бомб и начинаю вторую главу, когда к нему добавилось уханье зениток. Небо освещают желтые разрывы, осколки стучат по крышам, и «Лондонский мост падает, падает, падает». Всякий, кто умеет читать карту, понимает, что мы в смертельной опасности. Я не хочу сказать, что мы побеждены или будем побеждены. Исход почти наверняка зависит от нашей воли. Но сейчас мы в пиковом положении и попали в него из-за глупостей, которые совершаем до сих пор и которые погубят нас, если мы быстро не исправимся.

Эта война продемонстрировала, что частный капитализм – то есть экономическая система, при которой земля, фабрики, шахты и транспорт находятся в частных руках и работают только на прибыль, недействительна. Она не справляется. Это давно уже стало понятно миллионам людей, но ничего не менялось, потому что снизу не шло сильных импульсов к преобразованию системы, а верхи приучились быть беспросветно тупыми во всем, что касалось этого. Аргументы и пропаганда ничего не давали. Хозяева собственности сидели сложа руки и твердили, что все к лучшему. Однако захват Европы Гитлером был физическим опровержением капитализма. Война, при всей ее гнусности, есть объективная проверка силы, как динамометр. Большая сила – получай свои пенсы обратно, и подделать результат никак нельзя.

Когда изобрели корабельный винт, годами шли споры, какие пароходы лучше – колесные или винтовые. Колесные пароходы, как и всякая устаревшая вещь, имели своих защитников, изобретательно доказывавших их превосходство. Но наконец один знаменитый адмирал сцепил корма к корме винтовой пароход и такой же мощности колесный – и запустил машины. Это решило вопрос раз и навсегда. Нечто подобное произошло на полях сражений в Норвегии и во Фландрии. Раз и навсегда было доказано, что плановая экономика сильнее неплановой. Но тут необходимо дать какое-то определение затертым словам «социализм» и «фашизм».

Социализм обычно определяют как «общественную собственность на средства производства». Грубо говоря: всем владеет государство, представляющее весь народ, и каждый является государственным служащим. Это не значит, что люди лишены личного имущества, такого, как одежда и мебель, но означает, что все, потребное для производства – земля, шахты, суда, машины, – находится в собственности государства. Государство – единственный крупный производитель. Нельзя утверждать, что социализм во всех отношениях лучше капитализма, но несомненно, что в отличие от капитализма он может решать проблемы производства и потребления. В нормальное время капиталистическая экономика не может потребить всё, что производит, так что всегда есть бесполезные излишки (пшеница, сжигаемая в печах, сельдь, выбрасываемая в море, и т. д.), и всегда есть безработица. Зато во время войны этой системе трудно произвести всё необходимое: вещь не производится, если никто не рассчитывает получить от нее прибыль.

В социалистической экономике этих проблем нет. Государство рассчитывает, какие товары ему нужны, и, в меру сил, их производит. Производство ограничено только количеством рабочей силы и сырья. Деньги внутри страны перестают быть таинственным, всемогущим элементом и становятся чем-то вроде купонов или карточек, печатаемых в таком количестве, какое позволяет скупить имеющиеся в наличии предметы потребления.

Однако в последние годы стало ясно, что «общественной собственности на средства производства» самой по себе недостаточно для определения социализма. К ней надо добавить следующее: приблизительное равенство доходов (достаточно приблизительное), политическая демократия, уничтожение всех наследственных привилегий, особенно в образовании. Это всего лишь необходимые гарантии от возрождения классовой системы. Централизованная собственность мало что значит, если не выдержан примерно одинаковый уровень жизни для всех и нет какого-то контроля над правительством. В противном случае «государство» может означать всего лишь самокооптирующуюся политическую партию, и тогда могут вернуться и привилегии, и олигархия, только опирающаяся на власть, а не на деньги.

Так что же такое тогда фашизм?

Фашизм, по крайней мере немецкий его вариант, – это форма капитализма, позаимствовавшая у социализма только те черты, которые обеспечат ей военную эффективность. С точки зрения внутренней, у Германии много общего с социалистическим государством. Собственность не отменена, по-прежнему есть капиталисты и рабочие, и это важный момент, истинная причина, почему богатые во всем мире склонны симпатизировать фашизму: после нацистской революции капиталистами остались, в общем, те же, кто был капиталистами, а рабочими – рабочие. И в то же время распоряжается всем государство, то есть попросту нацистская партия. Она распоряжается инвестициями, сырьем, процентными ставками, длительностью рабочего дня, заработными платами. Владелец фабрики по-прежнему владеет фабрикой, но в практическом плане он низведен до положения управляющего. Фактически все являются государственными служащими, хотя жалование у них может сильно разниться. Эффективность этой системы, не страдающей от расточительства и различных помех, очевидна. За семь лет она построила военную машину, мощнее которой не видел мир.

Но в основе фашизма лежит совсем не та идея, что в основе социализма. Цель социализма, в конечном счете, всемирное государство свободных и равных людей. Равенство прав считается аксиомой. Нацизм исходит из противоположной идеи. Движущая сила его – убежденность в неравенстве людей, в превосходстве немцев над остальными народами, в том, что Германия должна править миром. За пределами рейха никаких обязательств нацизм не признает. Видные нацистские профессора снова и снова «доказывали», что только нордический человек – вполне человек, и даже выдвигали идею, что не нордические люди (такие, как мы) могут скрещиваться с гориллами! Таким образом, хотя своего рода военный социализм и существует в германском государстве, отношение последнего к завоеванным нациям – отношение эксплуататора. Чехи, поляки, французы и прочие существуют для того, чтобы производить нужную Германии продукцию, а взамен получать тот минимум, который удержит их от открытого бунта. Если завоюют нас, нашей работой будет, вероятно, производство оружия для будущей войны Германии с Россией и Америкой. Цель нацистов, в сущности, создать кастовую систему, с четырьмя кастами, весьма похожими на индуистские. Над всеми – нацистская партия, ниже – немецкий народ, затем идут покоренные европейцы. Четвертой и последней кастой будут цветные народы, «полуобезьяны», как называет их Гитлер, – их попросту обратят в рабство.

Как ни ужасна, на наш взгляд, эта система, она действует. Действует потому, что это плановая система, нацеленная на конкретный результат, на завоевание мира и не допускающая, чтобы на ее пути встали чьи бы то ни было частные интересы – капиталистов или рабочих. Британский капитализм в этом смысле неработоспособен, потому что это система конкуренции, где главной целью является частная прибыль. При этой системе все силы тянут в разные стороны, а интересы индивида часто, если не всегда, противоположны интересам государства.

На всем протяжении этих критических лет британский капитализм с его колоссальной индустриальной базой и несравненным резервом квалифицированной рабочей силы не сумел собраться для подготовки к войне. Чтобы подготовиться к современной широко-масштабной войне, необходимо направить большую часть национального дохода на вооружение, а это значит – сократить производство потребительских товаров. Бомбардировщик, например, стоит столько же, сколько пятьдесят небольших автомобилей, или восемьдесят тысяч пар шелковых чулок, или миллион батонов. Ясно, что, не понизив уровень жизни, много бомбардировщиков не построишь. Либо пушки, либо масло, как заметил маршал Геринг. Но в чемберленовской Англии такая перестройка была невозможна. Богатые не потерпели бы возросших налогов, а пока богатые нескрываясь богаты, нельзя чересчур обременить налогами и бедных. Кроме того, пока главной целью производителя является прибыль, ему нет смысла переключаться с потребительских товаров на оружие. Предприниматель ответствен прежде всего перед своими акционерами. Может быть, Англии нужны танки, но, может быть, производство автомобилей окупается лучше. Не пропускать стратегические материалы к врагу велит здравый смысл, но продавать по максимальной рыночной цене – обязанность бизнесмена. Еще в конце августа 1939 года британские торговцы, отпихивая друг друга, продавали Германии листовую сталь, резину, медь и шеллак – твердо зная при этом, что через неделю-другую разразится война. С такой же пользой для себя ты станешь продавать бритву, чтобы тебе перерезали ею горло. Но это был «хороший бизнес».

А теперь взглянем на результаты. После 1934 года стало понятно, что Германия перевооружается. После 1936-го всякий, у кого есть хоть капля разума, знал, что грядет война. После Мюнхена вопрос был только: скоро ли она начнется. В сентябре 1939 года она началась. Через восемь месяцев выяснилось, что оснащенность британской армии почти не улучшилась с 1918 года. Мы видели, как наши солдаты отчаянно пробиваются к побережью, с одним самолетом против трех немецких, с винтовками против танков, со штыками против автоматов. Не хватало даже револьверов для офицерского состава. После года войны войскам не хватало 300 тысяч касок. А до этого даже обмундирования не хватало – в стране, которая была одним из крупнейших производителей шерсти!

Все дело в том, что имущий класс, боясь перемен в своем образе жизни, упорно не желал понять природу фашизма и характер современной войны. А широкой публике ложный оптимизм внушала бульварная пресса – она живет рекламой и, естественно, заинтересована в том, чтобы торговля шла нормально. Из года в год бивербрукские газеты уверяли нас в громадных заголовках: **ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ**, а лорд Ротермир в начале 1939 года еще называл Гитлера «большим джентльменом». Когда пришла беда, оказалось, что Англия испытывает недостаток во всех военных материалах, кроме кораблей, но при этом не было никакого недостатка в автомобилях, манто, патефонах, губной помаде, шоколаде и шелковых чулках. И осмелится ли кто-нибудь делать вид, будто состязание между личным барышом и общественной необходимостью прекратилось? Англия борется за жизнь, а бизнес должен бороться за прибыли. Открыв газету, чуть ли не каждый раз видишь, что рядом идут два противоположных процесса. На одной и той же полосе читаешь призыв правительства: экономить, и – торговца какой-то бесполезной роскошью: тратить. Одолжи обороне, но глуши «Гиннесс». Купи «Спитфайр», но купи и «Хэйг энд Хэйг», крем для лица «Пондс» и шоколад «Блэк мэджик».

Надежду вселяет одно: заметный перелом в общественном мнении. Если мы переживем эту войну, поражение во Фландрии окажется одним из поворотных пунктов в английской истории. В этой ошеломляющей катастрофе рабочий класс, средний класс и даже часть деловых кругов увидят всю гнилость частного капитализма. До сих пор обвинение против капитализма не было доказано. Россия, единственная несомненно социалистическая страна, была далекой и отсталой. Всякую критику заглушал звон монет в банкирских кошельках и

бесстыдный смех биржевых маклеров. Социализм? Ха-ха! Откуда возьмутся деньги? Ха-ха! Хозяева собственности прочно сидели на стульях и знали это. Но после французского краха началось что-то такое, от чего нельзя было отделаться смехом, от чего не спасут ни чековые книжки, ни полицейские. Бомбежки. «И-у-у – БУМ!» Что это? А-а – просто бомба упала на Фондовую биржу. «И-у-у – БУМ!» Еще гектар чьей-то ценной трущобной застройки обратился в руины. Гитлер, во всяком случае, войдет в историю как человек, заставивший весельчаков из Сити плакать. Впервые на своем веку благополучные ощутили неблагополучие, профессиональные оптимисты вынуждены были признать, что где-то вышла ошибка. Это был большой шаг вперед. Отныне безнадежная задача убедить одурманенных людей, что плановая экономика иногда лучше свалки, где побеждает худший, – отныне эта задача не будет такой безнадежной.

2

Разница между социализмом и капитализмом – разница не просто техническая. Нельзя перейти от одной системы к другой так, как это делают на заводе, установив новое оборудование, и дальше действовать по-прежнему, с прежними людьми в руководстве. Очевидно, необходима полная смена власти. Новая кровь, новые люди, новые идеи – в подлинном смысле революция.

Выше я говорил о прочности и однородности английской цивилизации, о патриотизме, пронизывающем все слои общества. После Дюнкерка всякий здравомыслящий в этом убедился. Но нелепо утверждать, что поворот уже совершился. Масса народа, несомненно, уже готова к решительным и необходимым переменам; но перемены эти даже не начались.

Англия – это семья, возглавляемая не теми, кем надо. Нами почти безраздельно правят богатые и люди, занявшие командные посты по праву рождения. Сознательных изменников среди них или вовсе нет, или очень мало, некоторые даже не глупы, но как класс они не способны привести нас к победе. Не смогли бы даже в том случае, если бы их постоянно не сбивали с толку собственные материальные интересы. Как уже было сказано, они поглупели нарочно. Кроме всего прочего, власть денег означает, что правят нами по большей части старые, то есть люди, совершенно не способные понять, в каком веке они живут и с каким врагом воюют. Ничто так не угнетало в начале этой войны, как настрой старшего поколения, усердно притворявшегося, что у нас снова война 1914–1918 годов. Все старые недотепы снова взялись за работу – на двадцать лет постаревшие, с явственно обозначившимися черепами. Иэн Хей приветствовал войска, Беллок писал статьи о стратегии, Моруа выступал по радио, Бернсфадер рисовал карикатуры¹². Это было похоже на вечеринку призраков. И ситуация почти не изменилась. После катастрофы выдвинулось несколько способных людей, вроде Бевина¹³, но, в общем, нами по-прежнему командовали люди, так и не понявшие за все предвоенные годы, что Гитлер опасен. Поколение необучаемых висит на нашей шее, как ожерелье из трупов.

Какой из проблем войны ни коснуться, широкой ли стратегической или мельчайших деталей внутренней организации, – становится ясно, что при сохранении нынешнего общественного устройства необходимые шаги сделать нельзя. Из-за своего положения и воспитания правящий класс неизбежно будет отстаивать свои привилегии, которые невозможно примирить с интересами всего общества. Ошибочно думать, будто цели войны, страте-

¹² Андре Моруа (1885–1967) – французский писатель. Во время Первой мировой войны был офицером связи в британских войсках. После оккупации Франции жил в Англии и в США. Брюс Бернсфадер – английский военный, писатель и иллюстратор.

¹³ Эрнест Бевин – британский политик и профсоюзный лидер. После войны был министром иностранных дел.

гия, пропаганда и промышленная организация существуют в отдельных водонепроницаемых отсеках. Все связано. Всякий стратегический план, всякий тактический метод, всякая система оружия несет отпечаток общественной системы. Люди, правящие Британией, воюют с Гитлером, к которому они всегда относились – а кое-кто из них и теперь относится – как к своему защитнику от большевизма. Это не значит, что они сознательно предадут; но значит, что в решительный момент они будут колебаться, действовать вполсилы, делать не то, что надо.

Пока правительство Черчилля не приостановило этот процесс, они, словно повинувшись неумолимому инстинкту, делали ошибку за ошибкой. Они помогали Франко свергнуть испанское правительство, хотя кто угодно, кроме слабоумного, сказал бы им, что фашистская Испания будет враждебна Англии. Они снабжали Италию военными материалами всю зиму 1939/40 года, хотя всему миру было понятно, что весной она на нас нападет. Ради нескольких сотен тысяч акционеров они превращают Индию из союзника во врага. Кроме того, пока у власти остаются денежные классы, наша стратегия может быть только оборонительной. Всякая победа означает изменение статус-кво. Как мы можем изгнать итальянцев из Абиссинии без того, чтобы это отдалось эхом среди цветных народов нашей империи? Да и Гитлера как мы можем разгромить, не рискуя привести к власти немецких социалистов или коммунистов? У леваков, которые голосят, что «это война капиталистов» и что «британский империализм дерется за добычу», все перепуталось в голове. Британский правящий класс меньше всего хочет разжиться новыми территориями. Это будет просто лишняя морока. Их цель в войне (и недостижимая, и не декларируемая) – всего лишь удержать то, что есть.

Внутренне Англия – по-прежнему рай для богатей. Все разговоры о «равенстве лишений» – вздор. Рабочих просят примириться с удлинением рабочего дня и в то же время в газетах объявление: «Нужен дворецкий. В семье один, восемь в прислуге». Разбомбленные обитатели Ист-Энда голодают и остаются без крова, а богатые жертвы бомбежки просто садятся в машины и уезжают в комфортабельные загородные дома. За несколько недель войска местной обороны разрослись до миллиона, но организованы таким образом, что командные посты могут занимать только люди с частным доходом. Даже система нормирования устроена так, что бьет по бедным, а людей с доходом свыше 2 тысяч фунтов в год практически не затрагивает. Повсюду привилегия гасит добрую волю. В таких условиях даже пропаганда становится невозможной. Красные патриотические плакаты, выпущенные Чемберленовским правительством в начале войны, побили все рекорды глубины. Но как они могли быть иными – как мог Чемберлен и его последователи без риска для себя вызвать в народе чувства против фашизма! Всякий, кто действительно враждебен фашизму, должен быть противником и самого Чемберлена, и всех, кто помог Гитлеру прийти к власти. То же самое – с пропагандой на заграницу. Во всех речах лорда Галифакса нет ни одной конкретной идеи, ради которой хотя бы один европеец согласился рискнуть не то что головой, а ногтем мизинца. Ибо какую цель в войне может преследовать Галифакс и ему подобные, кроме как вернуть часы назад в 1933 год?

Высвободить природный гений английского народа может только революция. Революция не значит – красные флаги и уличные бои; она означает принципиальную смену власти. Произойдет ли это с кровопролитием или без – зависит от времени и места. Не означает революция и диктатуры одного класса. Англичане, понимающие, какие перемены необходимы, и способные их осуществить, не принадлежат к одному какому-то классу, хотя людей с доходом больше 2 тысяч фунтов в год среди них очень немного. Что нам требуется – это сознательный открытый бунт обыкновенных людей против несправедливостей, классовых привилегий и правления стариков. Перемена правительства тут не самое главное. Британские правительства, вообще говоря, представляют волю народа, и если мы изменим структуру снизу, то получим и нужное правительство. Послы, генералы, чиновники и колониаль-

ные администраторы, выжившие из ума или профашистские, более опасны, чем министры кабинета, чьи глупости совершаются публично. Во всех областях национальной жизни мы должны бороться против привилегий, против представления, будто недалекий выпускник закрытой школы способен распоряжаться лучше, чем умный механик. Мы должны освободиться от хватки денежного класса, хотя и в нем есть одаренные и честные индивидуумы. Англия должна обрести свою настоящую форму. Та Англия, которая не на виду – на заводах и в редакциях газет, в самолетах и в подводных лодках, – должна взять свою судьбу в собственные руки.

В ближайшей перспективе равенство лишений, «военный коммунизм» важнее даже, чем радикальные экономические перемены. Крайне необходимо, чтобы была национализирована промышленность, но еще необходимее, чтобы такие монструозности, как дворецкие и рантье, исчезли немедленно. Испанская республика смогла сражаться два с половиной года против неизмеримо превосходящих сил противника главным образом потому, наверное, что не было больших контрастов в богатстве. Люди страдали ужасно, но все страдали одинаково. Когда у рядового не было сигареты, у генерала не было тоже. При равенстве лишений моральный дух такой страны, как Англия, вряд ли удастся сломить. А сейчас нам опереться не на что, кроме традиционного патриотизма, более прочного, чем где бы то ни было, но, наверно, не беспредельного. В какой-то момент придется иметь дело с человеком, который скажет: «При Гитлере мне будет не хуже». Но чем вы можете ему возразить – то есть какое возражение он согласится выслушать, – когда рядовые солдаты рискуют жизнью за два шиллинга шесть пенсов в день, а толстые женщины разъезжают на «роллс-ройсах» с мопсиками у груди?

Очень похоже, что эта война продлится три года. Это значит – переутомление на работе, холодные скучные зимы, невкусная еда, отсутствие развлечений, продолжительные бомбежки. Общий уровень жизни не может не понизиться, потому что война требует производства вооружений вместо потребительских товаров. Рабочих ждут страшные лишения. И они будут их терпеть почти бесконечно, если будут знать, за что сражаются. Они не трусы и даже не интернационалисты. Они могут вытерпеть все, что вытерпели испанские рабочие, и больше. Но они захотят какого-то доказательства, что их и их детей ждет впереди лучшая жизнь. Единственным верным знаком тут будет то, что, когда их подвергают испытаниям и перегружают работой, богатым должно достаться еще тяжелее. И если богатые громко завизжат, тем лучше.

Мы можем этого добиться, если действительно захотим. Неверно, будто общественное мнение в Англии не имеет силы. Не бывает такого, чтобы оно, заявив о себе, ничего не достигло; ему мы обязаны большинством перемен к лучшему в последние полгода. Но двигались мы со скоростью ледника и учились только на катастрофах. Должен был пасть Париж, чтобы мы избавились от Чемберлена, должны были страдать без нужды десятки тысяч людей в Ист-Энде, чтобы мы избавились или частично избавились от сэра Джона Андерсона¹⁴. Не стоит проигрывать битву для того, чтобы похоронить труп. Ибо мы сражаемся с умным, быстрым и злым врагом, и время поджимает, и история побежденному может сказать: «Увы», но не простит и ничего не изменит¹⁵.

¹⁴ Джон Андерсон – британский государственный деятель. Губернатор Бенгалии (1932), министр внутренних дел (1939–1940), канцлер казначейства (1943–1945).

¹⁵ У. Х. Оден. «Испания».

3

В последние шесть месяцев было много разговоров о пятой колонне. Время от времени безвестных психопатов сажали в тюрьму за речи в поддержку Гитлера; интернировали большое число немецких беженцев – что, наверное, сильно повредило нам в Европе. Предполагать, что на улицах внезапно появится большая организованная армия вооруженных предателей, как в Голландии и Бельгии, разумеется, нелепо. Тем не менее опасность пятой колонны существует. О ней надо задуматься, если мы задумаемся о том, каким способом может быть побеждена Англия.

Маловероятно, чтобы исход большой войны могли решить воздушные налеты. Конечно, противник может вторгнуться в Англию и оккупировать ее, но вторжение будет рискованной игрой, и если оно произойдет и провалится, мы, вероятно, станем более сплоченными, и поубавится наверху число Блимпов. Кроме того, если в Англию войдут иностранные войска, английский народ поймет, что потерпел поражение, и будет продолжать борьбу. Сомнительно, чтобы его могли подчинить навсегда и что Гитлер захочет постоянно держать на наших островах миллионную армию. Правительство ..., ... и ... (фамилии можете вписать сами) устроило бы его больше. Запугиванием англичан не принудить к сдаче, но можно измором, посулами и обманом – при условии, что они, как в Мюнхене, не поймут, что сдаются. Скорее это может случиться, если война будет идти удачно, а не наоборот. Угрожающий тон немецкой и итальянской пропаганды – психологическая ошибка. Он действует только на интеллектуалов. Народу же в целом выгодно было бы говорить: «Согласимся на ничью». И если мирное предложение последует в таком духе, вот тогда профашисты поднимут головы.

Но кто такие профашисты? Перспектива победы Гитлера по душе очень богатым, коммунистам, сторонникам Мосли, пацифистам и определенной части католиков. Вдобавок, если дела уж совсем не заладятся дома, беднейшая часть рабочего класса может свернуть на пораженческую позицию, хотя и не прямо на прогитлеровскую.

За этим пестрым списком просматривается дерзость германской пропаганды, ее желание посулить каждому все на свете. Но разные профашистские силы не действуют сообща, каждая ведет себя по-своему. Коммунисты определенно поддерживают Гитлера и будут поддерживать, если не изменится политика русских, но влияние их не очень велико. Чернорубашечники Мосли, хотя и присмирели сейчас, – более серьезная опасность, поскольку, вероятно, имеют какую-то опору в вооруженных силах. Однако, даже в период расцвета, движение Мосли едва ли насчитывало пятьдесят тысяч. Пацифизм – скорее психологический курьез, чем политическое движение. Некоторые крайние пацифисты, вначале полностью отвергавшие насилие, прониклись симпатией к Гитлеру и даже забавляются антисемитизмом. Это интересно, но не важно. «Чистый» пацифизм, этот побочный результат морского могущества, может привлечь только людей, очень благополучных и всячески защищенных. Кроме того, будучи негативным и безответственным, он не возбуждает большого рвения у своих сторонников. Из членов Союза обета мира менее пятнадцати процентов платят годовые взносы. Ни одна из этих групп – пацифисты, коммунисты и чернорубашечники – не способна собственными силами развернуть широкую кампанию за прекращение войны. Но они могли бы очень облегчить предательскому правительству переговоры о капитуляции. Подобно французским коммунистам, они могут, сами того не ведая, стать агентами миллионов.

Настоящая опасность грозит сверху. Не надо обращать внимания на разглагольствования Гитлера о том, что он друг бедных, враг плутократии и т. д. Подлинный Гитлер – в его действиях и в «Mein Kampf». Он никогда не преследовал богатых, если они не были евреями

или активно не противодействовали ему. Гитлер – это централизованная экономика, которая лишила капиталиста большинства властных функций, но оставила структуру общества в прежнем виде. Государство контролирует промышленность, но по-прежнему есть богатые и бедные, хозяева и слуги. Поэтому, когда приходилось выбирать между нацизмом и истинным социализмом, денежный класс всегда был на стороне Гитлера. С кристальной ясностью это проявилось во время гражданской войны в Испании – и еще раз, когда капитулировала Франция. Правительство гитлеровских марионеток – не рабочие люди, а шайка банкиров, сенильных генералов и продажных правых политиков.

В Англии такое картинное, сознательное предательство вряд ли может совершиться, да и едва ли кто попытается его совершить. Тем не менее для многих плательщиков дополнительного подоходного налога эта война – просто дурацкая семейная ссора из-за пустяков, и ее надо прекратить любой ценой. Можно не сомневаться, что движение «за мир» имеет опору наверху; возможно, уже сформирован теневой кабинет. Эти люди попытают счастья не в момент поражения, а в какой-то статичный период, когда скука будет подкреплена недовольством. Они не будут говорить о капитуляции, а только о мире, и, безусловно, убедят себя, а может быть, и других, что это наилучший выход. Армия безработных во главе с миллионерами, цитирующими Нагорную проповедь, – вот в чем для нас опасность. Но она не возникнет, если мы установим хотя бы относительную социальную справедливость. Дама в «роллс-ройсе» подрывает моральный дух сильнее, чем бомбардировки Геринга.

Часть III: Английская революция

1

Английская революция началась несколько лет назад и стала набирать силу, когда войска вернулись из Дюнкерка. Как всё в Англии, она разворачивается сонно, нехотя, но развивается. Война ускорила ее, но отчаянно требует еще большего ускорения.

Прогресс и реакция перестают иметь что-либо общее с партийными ярлыками. Если нужен конкретный пример, можно сказать, что прежнее различие между правыми и левыми стерлось, когда впервые была опубликована «Пикчер пост». Какова политическая линия «Пикчер пост»? Или «Кавалькейд», или выступлений Пристли по радио, или передовиц «Ивнинг стандарт»? Никакие старые классификации к ним не применимы. Говорит это лишь о существовании множества людей без четкой партийной принадлежности, понявших за последний год или два, что в стране у нас не все ладно. Но поскольку общество без классов и частной собственности обычно называют социалистическим, мы можем дать такое название обществу, к которому движемся сейчас. Война и революция неразделимы. Нам не удастся построить общество, которое в западной стране может считаться социалистическим, не победив Гитлера; с другой стороны, нам не удастся победить Гитлера, экономически и социально оставаясь в девятнадцатом веке. Прошлое борется с будущим, и у нас есть два года, год, может быть, всего несколько месяцев, чтобы обеспечить победу будущему.

Мы не можем рассчитывать на то, что нынешнее правительство или ему подобное осуществит нужные изменения по собственной воле. Инициатива должна идти снизу. А это значит, что должно возникнуть нечто, никогда в Англии не существовавшее, – социалистическое движение, за которым стоит действительно масса людей. Но для начала надо разобраться, почему социализм в Англии не удался.

В Англии есть только одна социалистическая партия; действительно обладавшая влиянием, – лейбористская. Она не могла добиться никаких крупных перемен, потому что, за исключением чисто внутренних дел, никогда не имела независимой политики. Она была и остается, главным образом, партией профсоюзов, озабоченной повышением заработной платы и улучшением условий труда. Это значит, что все предвоенные годы она была прямо заинтересована в процветании британского капитализма. Между прочим – и в сохранении империи, ибо большую часть своего богатства Англия черпала из Азии и Африки. Уровень жизни английских рабочих – членов профсоюза, которых представляла лейбористская партия, косвенно зависел от пота, пролитого индийскими кули. В то же время лейбористская партия была социалистической партией, использовала социалистическую фразеологию, говорила на языке старомодного антиимпериализма. Ей приходилось выступать за «независимость» Индии – так же как приходилось выступать за разоружение и вообще «прогресс». Тем не менее все понимали, что это вздор. В век танка и бомбардировщика отсталые сельскохозяйственные страны, вроде Индии и африканских колоний, могут быть не более независимыми, чем собака или кошка. Если бы лейбористы пришли к власти, получив прочное большинство, и пожаловали Индии подлинную независимость, Индию немедленно захватили бы японцы или поделили между собой Япония и Россия.

У лейбористского правительства был бы выбор между тремя имперскими политиками. Одна – управлять империей по-прежнему, что значило бы оставить всякие претензии на социализм. Другая – отпустить подвластные народы «на свободу», что означало бы отдать их Японии, Италии и другим хищным державам, катастрофически понизив при этом уровень жизни в Британии. Третья – принять позитивную имперскую политику, направленную

на преобразование империи в федерацию социалистических государств, некий более рыхлый и свободный вариант Союза советских республик. Но история и устройство лейбористской партии таковы, что это невозможно. Эта была партия профсоюзов, с безнадежно узким кругозором, мало интересовавшаяся делами империи и не имевшая контактов среди людей, скреплявших империю. Лейбористам пришлось бы поручить управление Индией и Африкой, всю работу по обороне империи людям, набранным из другого класса и традиционно враждебным социализму. И что еще печальнее – сомнение, сможет ли лейбористское правительство, взявшееся за дело всерьез, заставить себя слушаться. При всей своей величине и количестве сторонников лейбористская партия не имела опоры во флоте, почти не имела в армии и военно-воздушных силах и совсем никакой – в колониальной администрации и среди государственных служащих в метрополии. В Англии ее позиции были прочны, но нельзя сказать, что неуязвимы, а вне Англии все преимущества – на стороне соперников. Придя к власти, она встала бы перед неизменной дилеммой: выполнить свои обещания, рискуя вызвать бунт, или же продолжать политику консерваторов и бросить разговоры о социализме. Лейбористские руководители никогда не могли найти решение, и с 1935 года стало сомнительно, хотят ли они, в самом деле, получить власть. Они выродились в Вечную оппозицию.

Кроме лейбористской партии, существовало несколько крайних партий, среди них сильнейшая – коммунисты. Коммунисты имели значительное влияние в лейбористской партии в период 1920–1926 и 1935–1939 годов. Главным их достижением – и всего левого крыла лейбористов – было то, что они помогли оттолкнуть от социализма средний класс.

История последних семи лет ясно показала, что в Западной Европе шансов у коммунизма нет. Фашизм оказался гораздо привлекательнее. В одной стране за другой коммунистов убрали их более современные враги – нацисты. В странах английского языка коммунисты никогда не имели серьезной опоры. Их идеи привлекали только довольно редкий тип людей, встречающийся, главным образом, в среде интеллигенции среднего класса, – людей, которые перестали любить свою страну, но все-таки ощущают потребность в патриотизме и потому переносят патриотические чувства на Россию. К 1940 году, после двадцатилетних усилий, потратив громадное количество денег, британская компартия насчитывала едва ли 20 000 членов – меньше, чем в 1920 году, когда она только начинала. Другие марксистские партии значили еще меньше. За ними не было русских денег и престижа, и они еще больше, чем коммунисты, были привязаны к доктрине классовой войны – порождению девятнадцатого века. Год за годом они проповедовали свое устарелое евангелие, так и не сделав вывода из того, что оно не привлекает к ним последователей.

Не сложилось в стране и сильного фашистского движения. Не настолько плохи были материальные условия, и не появилось лидера, с которым можно было бы считаться всерьез. Надо долго оглядываться вокруг, чтобы найти человека, менее обремененного идеями, чем сэр Освальд Мосли. Он был пуст, как кувшин. Не мог усвоить даже той элементарной мысли, что его фашизму не следовало оскорблять национальные чувства. Все его движение было рабской копией иностранных: униформа и партийная программа – из Италии, приветственный жест из Германии и в качестве запоздалого довеска – травля евреев. А когда Мосли начинал, среди самых видных его сторонников были евреи. Человек масштаба Боттомли или Ллойд Джорджа, пожалуй, смог бы вызвать к жизни реальное фашистское движение в Британии. Но такие лидеры появляются только тогда, когда в них есть психологическая нужда.

После двадцати лет застоя и безработицы все английское социалистическое движение не сумело предложить такой вариант социализма, который показался бы желательным массе народа. Лейбористская партия стояла на позициях робкого реформаторства, а марксисты смотрели на современный мир через очки девятнадцатого века. И те и другие игнорировали сельское хозяйство и проблемы империи; и те и другие восстановили против себя средние

классы. Тупость левой пропаганды отпугнула целые категории нужных людей: заводских администраторов, авиаторов, морских офицеров, фермеров, конторских служащих, лавочников, полицейских. Все эти люди приучились думать, что социализм угрожает их благополучию, или же воспринимать его как нечто мятежное, «антибританское». К этому движению тяготели только интеллигенты, наименее полезная часть среднего класса.

Социалистическая партия, действительно желающая чего-то достигнуть, для начала взглянула бы в лицо фактам, которые и по сей день не принято упоминать в левых кругах. Она признала бы, что Англия более едина, чем большинство других стран, что британским рабочим есть что терять, кроме своих цепей, и что разница во взглядах и обычаях между классами быстро сокращается. В общем, она признала бы, что «пролетарская революция» невозможна, что идея ее устарела. Но за все предвоенные годы так и не появилось социалистической программы, революционной и вместе с тем осуществимой, – в основном, конечно, из-за того, что никто по-настоящему не хотел больших перемен. Лейбористские лидеры хотели жить, как жили, получать свои жалованья и периодически меняться постами с консерваторами. Коммунисты хотели жить, как жили, с приятным ощущением, что они мученики, терпя поражение за поражением, а потом возлагая вину на других. Левая интеллигенция хотела жить, как жила, насмехаться над Блимпами, подтачивать дух среднего класса и сохранять свою излюбленную позицию приживалки у получателей дивидендов. Политика лейбористской партии превратилась в вариант консерватизма, «революционная» политика – в игру словами.

Но теперь обстоятельства изменились, годы дремоты закончились. Быть социалистом – уже не значит лягать систему, которой, на самом деле, ты весьма доволен.

На этот раз мы попали в серьезный перепплет. «Филистимляне идут на тебя, Самсон». Либо мы превратим наши слова в поступки, либо погибнем. Мы очень хорошо понимаем, что при нынешней социальной структуре Англия не может уцелеть; надо сделать так, чтобы это поняли другие, и действовали соответственно. Мы не выиграем войну, не сдвинувшись к социализму, и не построим социализм, не выиграв войну. В отличие от мирных лет, сейчас такое время, когда можно быть и революционером, и реалистом. Социалистическое движение, которое может увлечь за собой массы людей, согнать профашистов с властных постов, уничтожить наиболее вопиющие несправедливости и показать рабочему классу, что ему есть за что бороться, привлечь к себе средние классы, вместо того чтобы их отталкивать, предложить реальную имперскую политику, вместо прежней смеси из лицемерия и утопии, и подружить интеллект с патриотизмом, – такое движение впервые стало возможным.

2

Тот факт, что мы воюем, превратил социализм из книжного слова в осуществимую политику. Неэффективность частного капитализма была доказана повсюду в Европе. Его несправедливость была наглядно доказана в лондонском Ист-Энде. Патриотизм, против которого социалисты так долго боролись, стал мощным рычагом в их руках. Люди, в иное время цеплявшиеся изо всех сил за свои жалкие привилегии, быстро уступят их, когда страна окажется в опасности. Война – величайший стимул перемен. Она ускоряет все процессы, стирает незначительные различия, выводит реалии на поверхность. И самое главное – война доводит до сознания индивидуума, что он не вполне индивидуум. Люди только потому и готовы погибнуть на поле боя, что сознают это. Сейчас дело не столько за тем, чтобы пожертвовать жизнью, сколько за тем, чтобы пожертвовать досугом, комфортом, экономической свободой, общественным престижем. В Англии очень мало людей, которые действительно желают, чтобы их страну завоевала Германия. Если бы можно было объяснить, что победа над Гитлером означает уничтожение классовых привилегий, огромная масса обыкновенных

людей, зарабатывающих от шести фунтов в неделю до двух тысяч в год, наверное, встала бы на нашу сторону. Эти люди совершенно незаменимы, потому что среди них – большинство технических специалистов. Очевидно, снобизм и политическое невежество таких людей, как авиаторы и морские офицеры, будут сильной помехой. Но без этих авиаторов, командиров эсминцев и т. д. мы не прожили бы и недели. Единственный подход к ним – через их патриотизм. Умное социалистическое движение использует их патриотизм, вместо того чтобы оскорблять его, как до сих пор.

Но значит ли это, что не будет противодействия? Конечно, не значит. Рассчитывать на такое было бы наивностью.

Будет ожесточенная политическая борьба, и будет бессознательный или не вполне осознанный саботаж повсюду. И в какой-то момент, возможно, придется прибегнуть к насилию. Легко вообразить профашистский мятеж, вспыхнувший, например, в Индии. Мы должны бороться против взяточничества, невежества и высокомерия. Банкиры, крупный бизнес, землевладельцы и получатели дивидендов, чиновники с их свинцовыми задами будут мешать изо всех сил. Даже средние классы станут ежиться, когда под угрозой окажется привычный для них образ жизни. Но именно потому, что чувство национального единства в Англии не угасло, потому, что патриотизм, в конечном счете, сильнее классовой ненависти, есть надежда на то, что воля большинства восторжествует. Бессмысленно воображать, будто крутые перемены в стране не вызовут раскола; но изменническое меньшинство будет гораздо малочисленнее во время войны, чем в какое-либо иное время.

Общественное мнение заметно меняется, но нечего рассчитывать, что оно изменится быстро, само по себе. В этой войне важно, что пойдет быстрее – укрепление гитлеровской империи или рост демократического сознания. По всей Англии можно наблюдать идущие с переменным успехом схватки – в парламенте и в правительстве, на заводах и в вооруженных силах, в пивных и в бомбоубежищах, в газетах и на радио. Каждый день – маленькие поражения, маленькие победы. Моррисон¹⁶ стал министром внутренних дел – несколько шагов вперед. Пристли отлучен от эфира – несколько шагов назад. Это борьба между идущими ощупью и необучаемыми, между молодыми и старыми, между живым и мертвым. Но совершенно необходимо, чтобы недовольство, несомненно существующее, приобрело целенаправленную, а не обструктивную форму. Пора народу определить свои цели в войне. Нужна простая, конкретная программа действий, которой можно обеспечить максимальную гласность и вокруг которой может сконцентрироваться общественное мнение. Я полагаю, что нижеследующие шесть пунктов – это та программа, которая нам нужна. Первые три пункта касаются английской внутренней политики, а остальные три – империи и мира.

1. Национализация земли, шахт, железных дорог, банков и важнейших отраслей промышленности.
2. Ограничение доходов таким образом, чтобы максимальный не облагаемый налогом доход в Британии не превышал минимального больше, чем в десять раз.
3. Реформа системы образования в демократическом духе.
4. Немедленно предоставить Индии статус доминиона, с правом отделения после войны.
5. Сформировать Генеральный совет империи, где будут представлены цветные народы.
6. Заключить формальный союз с Китаем, Абиссинией и другими жертвами фашистских держав.

Общее направление этой программы очевидно. Она открыто нацелена на то, чтобы превратить эту войну в революционную войну и Англию – в социалистическую демокра-

¹⁶ Герберт Моррисон – лидер лейбористской партии. В 1929–1931 и 1940–1951 годах занимал государственные посты.

тию. Я намеренно не включил в нее ничего такого, чего не мог бы понять и счесть обоснованным самый неискушенный человек. В той форме, в какой она здесь изложена, ее могла бы напечатать на первой полосе «Дейли миррор». Но задачи данной книги понуждают меня дать некоторые разъяснения.

1. Национализация. «Национализировать» промышленность можно росчерком пера, но сам процесс – медленный и сложный. Нужно, чтобы вся крупная промышленность была официально передана во владение государству, представляющему обыкновенных людей. Сделав это, можно будет упразднить класс просто владельцев, живущих не за счет того, что производят товар, а за счет того, что юридически являются собственниками или держателями акций. Государственная собственность предполагает, таким образом, что неработающих не будет. Насколько стремительными должны быть перемены в промышленности, не столь ясно. В стране, подобной Англии, мы не можем разломать всю конструкцию и строить заново, с фундамента, тем более во время войны. Большинство промышленных концернов, несомненно, сохранится, в основном с прежним персоналом; прежние владельцы и управляющие останутся на своих местах, но как государственные служащие. Есть основания думать, что многие мелкие капиталисты будут приветствовать такой порядок. Сопротивления надо ждать от крупных капиталистов, банкиров, землевладельцев и праздных богачей, грубо говоря – от людей с доходом свыше 2000 фунтов в год, а таких, вместе с их иждивенцами, насчитывается в Англии не больше полумиллиона. Национализация сельскохозяйственных земель означает изъятие собственности у помещиков, сдающих землю в аренду, и у получателей десятины. Но она не обязательно затронет фермера. Трудно представить себе реорганизацию английского сельского хозяйства, при которой не сохранилось бы в целости большинство существующих ферм, по крайней мере, вначале. Фермер, если он компетентный, останется в качестве управляющего на окладе. Фактически он уже и сейчас в таком положении, вдобавок осложненном тем, что он должен получать прибыль и вечно находится в долгу у банка. Некоторых видов мелкой торговли и даже малых земельных владений государство, вероятно, не тронет вообще. Было бы большой ошибкой, например, начать с уничтожения мелких арендаторов. Эти люди необходимы, в целом они компетентны, и работоспособность их основана на чувстве, что они «сами себе хозяева». Но государство непременно установит верхний предел земельных владений (самое большее, вероятно, шесть гектаров) и не допустит частного владения землей в городах.

Когда все средства производства будут объявлены государственной собственностью, простые люди почувствуют то, чего не чувствуют сейчас, – что государство – это они. Они будут готовы терпеть лишения, которые ждут нас впереди, и в военное, и в мирное время. И даже если лицо Англии почти не изменится с виду, в тот день, когда будут национализированы главные отрасли промышленности, сломано будет господство одного класса. И акцент будет перенесен с владения на управление, с привилегий на компетентность. Вполне возможно, что государственная собственность сама по себе вызовет меньше социальных сдвигов, чем те, которые будут вызваны обычными военными лишениями. Но это – необходимый первый шаг, без него никакая реальная перестройка невозможна.

2. Доходы. Ограничение доходов предполагает, что будет установлена минимальная заработная плата, а это, в свою очередь, предполагает регулируемую эмиссию внутренних платежных средств, соответствующую количеству имеющихся потребительских товаров. А это означает более жесткую систему нормирования, нежели сейчас. На нынешнем этапе мировой истории бессмысленно требовать, чтобы доходы были у всех равны. Мы не раз убеждались в том, что без денежного стимула люди не хотят заниматься некоторыми работами. С другой стороны, денежное вознаграждение не обязательно должно быть очень большим. На практике невозможно поставить четкий предел заработкам. Всегда будут аномалии и обходные пути. Но предельный разрыв в заработках десять к одному представляется

вполне обоснованным. В этих границах какое-то ощущение равенства возможно. Человек с заработком в 3 фунта в неделю и человек с 1500 в год могут чувствовать себя в какой-то степени братьями, а герцог Вестминстерский и бродяга, спящий на набережной, – нет.

3. *Образование.* В военное время реформа образования неизбежно будет проектом, а не исполнением. Сейчас мы не можем продлить обучение в средней школе и увеличить ставки учителей в начальной. Но некоторые шаги к демократизации образования можно сделать уже сегодня. Мы можем прежде всего отменить автономию привилегированных закрытых школ и старых университетов и наполнить их учащимися, субсидируемыми государством и отобранными только на основании их способностей. В настоящее время закрытые школы – отчасти бюстительницы классовых предрассудков, а отчасти своего рода налог, который средние классы платят высшим за право быть допущенными к определенным профессиям. Конечно, ситуация постепенно меняется. Средние классы уже возмущаются дороговизной образования, а война, если она продлится еще год или два, разорит большинство закрытых школ. Эвакуация тоже приводит к некоторым незначительным переменам. Но существует опасность, что старые учебные заведения, которые дольше других выдержат финансовые бури, сохранятся в той или иной форме как рассадники снобизма. Что касается 10 000 «частных школ», имеющих в Англии, огромное большинство их не заслуживает ничего, кроме закрытия. Это просто коммерческие предприятия, и качество образования в них зачастую ниже, чем в начальных школах. Существуют они только потому, что многие считают постыдным получить образование в общедоступных школах. Государство может покончить с таким отношением, объявив, что берет на себя все образование, пусть даже поначалу это будет не более чем жестом. Нам нужны и действия, и жесты. Пока социальное происхождение будет определять, получит одаренный ребенок нужное образование или нет, все наши разговоры о «защите демократии» ничего не стоят.

4. *Индия.* Индии мы должны предложить не «свободу», которая, повторяю, невозможна, но союз, партнерство – словом, равенство. А кроме того, мы должны сказать индийцам, что они могут отделиться, если захотят. Без этого не может быть равенства в партнерстве, и никто не поверит тому, что мы защищаем цветные народы от фашизма. Но ошибочно думать, что, если индийцы получат право уйти от нас, они им немедленно воспользуются. Когда британское правительство предложит им безусловную независимость, они откажутся, ибо как только они получат право на отделение, исчезнет их главный побудительный мотив к нему.

Полный разрыв будет не меньшим несчастьем для Индии, чем для Англии. Умные индийцы это понимают. В нынешнем состоянии Индия не только не может защитить себя, но едва ли может и прокормить. Все управление страной зависит от корпуса специалистов (инженеров, лесоводов, железнодорожников, солдат, врачей), а они в большинстве своем англичане, и заменить их в течение пяти или десяти лет невозможно. Кроме того, английский – главный язык межнационального общения в Индии, и почти вся индийская интеллигенция весьма англоязычна. Переход под иностранное владычество, – ибо, если британцы уйдут из Индии, в нее немедленно войдут японцы и другие, – чреват колоссальным беспорядком. Ни японцы, ни русские, ни немцы, ни итальянцы не смогут вести дела в Индии даже на том низком уровне эффективности, какой достигнут британцами. Они не обладают необходимым числом технических специалистов, знанием языков и местных условий, и вряд ли смогут завоевать доверие незаменимых посредников – евразийцев. Если Индию просто освободят, то есть лишат британской военной защиты, первым результатом будет завоевание другой державой, а вторым – великий голод, который за несколько лет истребит миллионы людей.

В чем нуждается Индия – это в возможности выработать собственную конституцию, без помех со стороны Британии, но при ее участии, которое гарантирует военную защиту и помощь технических специалистов. Это немыслимо, пока в Англии нет социалистиче-

ского правительства. По меньшей мере восемьдесят лет Англия искусственно задерживала развитие Индии – отчасти из страха перед торговой конкуренцией в случае, если промышленность Индии слишком разовьется, отчасти из-за того, что отсталыми народами легче править, чем цивилизованными. Общеизвестно, что рядовой индеец гораздо больше страдает от своих же соотечественников, чем от британцев. Мелкий индийский капиталист эксплуатирует городского рабочего безжалостно, крестьянина с рождения до смерти держит в своих лапах ростовщик. Но все это – косвенный результат владычества британцев, инстинктивно стремившихся сохранить Индию по возможности отсталой. Наиболее лояльны к британцам принцы, землевладельцы и бизнес – в общем, реакционные слои, благоденствующие в нынешних условиях. В тот момент, когда Англия перестанет быть по отношению к Индии эксплуататором, изменится баланс сил. Британцам не надо будет уличивать нелепых индийских принцев, с их позолоченными слонами и картонными армиями, мешать росту индийских профсоюзов, срамливать мусульман с индуистами, защищать бесполезную жизнь ростовщика, выслушивать изъяснения преданности мелких чиновников-подхалимов, отдавать предпочтение полуварварам гуркам перед образованными бенгальцами. Как только оборвется поток дивидендов, текущий из тел индийских кули на банковские счета старух в Челтенеме, придет конец и всей системе саиб – туземец, высокомерному невежеству – с одной стороны и зависти и раболепия – с другой. Англичане могут работать вместе с индийцами на развитие Индии и обучать индийцев тому, чему им систематически мешали учиться. Многие ли из нынешнего британского персонала в Индии, чиновного и коммерческого, примут такой порядок, то есть навсегда расстанутся со званием «саиб», – это другой вопрос. Но, вообще говоря, рассчитывать надо скорее на молодых людей и тех служащих (гражданских инженеров, лесоводов, агрономов, врачей, преподавателей), которые получили научное образование. Высшие чиновники, губернаторы провинций, уполномоченные, судьи и т. д. безнадежны; но их как раз легче всего заменить.

Вот что, приблизительно, означал бы статус доминиона, если бы его предоставило Индии социалистическое правительство. Это – равноправное партнерство, до той поры, пока в небе не перестанут хозяйничать бомбардировщики. Но к нему мы должны добавить безусловное право на отделение. Это – единственный способ доказать серьезность наших намерений. И то, что относится к Индии, относится *mutatis mutandis* к Бирме, Малайе и большинству наших африканских владений.

Пункты 5 и 6 не требуют пояснений. Без них невозможно утверждать, что, ведя эту войну, мы защищаем мирные народы от фашистской агрессии.

Следует ли думать, что подобная политика не найдет последователей в Англии? Год назад, даже полгода назад так бы оно и было – но не сейчас. Кроме того, сейчас такое положение, что ее можно пропагандировать. Есть значительное число еженедельников, которые будут готовы представить миллионам читателей если не саму набросанную здесь программу, то, по крайней мере, какую-то политику подобного направления. Есть даже три или четыре ежедневные газеты, способные отнестись к ней сочувственно. Вот какой путь мы проделали за последние шесть месяцев.

Но осуществима ли такая политика? Это зависит исключительно от нас.

Некоторые пункты, предложенные здесь, можно выполнить немедленно, другие потребуют лет или десятилетий и даже тогда не будут выполнены полностью. Полностью не осуществляется ни одна политическая программа. Важно, чтобы нечто подобное было объявлено нашей политикой. Главное всегда – направление. Бессмысленно ожидать, разумеется, что нынешнее правительство изберет политику, направленную на превращение этой войны в войну революционную. У нас сейчас компромиссное правительство, и Черчилль едет на двух лошадях, как циркач. О таких мерах, как ограничение доходов, нечего и помышлять, пока власть не будет отобрана у прежнего правящего класса. Если в эту зиму война снова

примет статичный характер, я считаю, что мы должны агитировать за всеобщие выборы, хотя партийная машина консерваторов будет изо всех сил этому препятствовать. Но нужное правительство мы можем получить даже без выборов в палату общин, если очень этого захотим. Достаточно будет сильного толчка снизу. Из кого может составиться такое правительство, гадать не буду. Знаю только, что нужные люди найдутся, когда народ этого действительно захочет, ибо движение создает лидеров, а не лидеры движение. В течение года, может быть даже шести месяцев, если нас еще не победят, мы будем присутствовать при рождении того, чего никогда прежде не существовало, – специфически английского социалистического движения. До сих пор была только лейбористская партия, созданная рабочим классом, но не нацеленная на фундаментальные перемены, и марксизм, немецкая теория в русской интерпретации, неудачно пересаженная в Англию. Отклика в сердце у англичан все это не находило. Например, за всю свою историю английское социалистическое движение так и не создало песни с запоминающейся мелодией, ничего подобного «Марсельезе» или «Кукараче». Когда появится соприродное Англии социалистическое движение, марксисты, как и все остальные, кто питается прошлым, будут его открытыми врагами. Неизбежно объявят его «фашизмом». Уже сейчас среди мягкотелых левых интеллектуалов принято говорить, что, если мы будем сражаться с нацистами, станем нацистами сами. С таким же успехом можно сказать, что если мы будем воевать с неграми, то почернеем. Чтобы «стать нацистами», надо иметь за плечами историю Германии. Нация не может уйти от своего прошлого, просто совершив революцию. Английское социалистическое правительство преобразует нацию сверху донизу, но она по-прежнему сохранит неистребимые черты нашей цивилизации, особенной цивилизации, о чем я говорил выше.

Социализм у нас не будет ни доктринерским, ни даже логичным. Он отменит палату лордов, но, вполне вероятно, не отменит монархию. Он оставит недоделки и анахронизмы повсюду – судью в его нелепом парике и льва и единорога на пуговицах солдатской фуражки. Он не установит явной диктатуры одного класса. Он сгруппируется вокруг прежней лейбористской партии и будет иметь массовую поддержку в профсоюзах, но вберет в себя и большую часть среднего класса, и многих молодых людей из буржуазного сословия. Руководство его будет набираться по большей части из нового неопределенного слоя квалифицированных рабочих, технических специалистов, авиаторов, ученых, архитекторов и журналистов – людей, которые чувствуют себя своими в век радио и железобетона. Но он никогда не расстанется с традициями компромисса и верой в то, что закон выше государства. Он будет расстреливать предателей, но перед этим справедливо судить, а иногда и будет оправдывать. Всякий открытый бунт он подавит быстро и жестоко, но будет очень мало мешать свободе устного и письменного слова. Политические партии с разными названиями будут существовать по-прежнему, революционные секты – по-прежнему публиковать свои газеты и так же мало привлекать внимания. Он отделит церковь от государства, но не будет преследовать религию. Он сохранит смутное уважение к христианскому моральному кодексу и время от времени будет говорить об Англии как о «христианской стране». Католическая церковь поведет с ним войну, но неконформистские секты и большая часть англиканской церкви смогут найти с ним общий язык. Он настолько сохранит связи с прошлым, что иностранные наблюдатели будут поражены, а иной раз и усомнятся: была ли вообще революция.

Тем не менее все необходимое он осуществит. Он национализирует промышленность, ограничит доходы, учредит бесклассовую систему образования. Подлинную его природу засвидетельствует ненависть к нему богатых людей всего мира. Он будет стремиться не к разрушению империи, а к превращению ее в федерацию социалистических государств, свободных не столько от британского флага, сколько от ростовщиков, рантье и дубоголовых британских чиновников. Его военная стратегия будет в корне отлична от стратегии государства, управляемого собственниками, потому что он не будет испытывать страха перед рево-

люционными последствиями крушения существующих режимов. Он без зазрения совести нападет на враждебного нейтрала и будет подстрекать к восстанию колонии врага. Он будет драться так, что даже в случае поражения память о нем будет опасна для победителя, как память о французской революции была опасна для меттерниховской Европы. Диктаторы станут бояться его так, как не убоятся нынешнего британского режима, будь он даже вдесятеро сильнее, чем сейчас.

Но сегодня, когда сонная жизнь Англии почти не изменилась и возмутительный контраст между богатством и бедностью продолжает существовать даже под бомбами, почему я беру на себя смелость говорить, что все это произойдет?

Потому что наступило время, когда предсказывать будущее можно в разрезе: «или – или». Или мы превратим эту войну в революционную (я не говорю, что наша политика будет в точности такая, как я обрисовал, – только что она должна иметь такое направление), или мы проиграем и ее, и многое другое. Скоро можно будет с определенностью сказать, на какой из двух путей мы встали.

Но в любом случае ясно, что при теперешнем общественном устройстве мы не можем победить. Настоящие наши силы, физические, моральные и интеллектуальные, мобилизовать нельзя.

3

Патриотизм не имеет ничего общего с консерватизмом. В сущности, он противоположен консерватизму, поскольку он есть приверженность чему-то, постоянно изменяющемуся, но мистически остающемуся собой. Это мост между будущим и прошлым. Ни один подлинный революционер не был интернационалистом.

За последние двадцать лет негативное, бездеятельное отношение к жизни, модное среди английских левых, насмешки интеллектуалов над патриотизмом и физической храбростью, настойчивые попытки подточить английский моральный дух и распространить гедонистическое отношение к жизни – «а что я с этого получу» – не принесли ничего, кроме вреда. Они были бы вредны, даже если бы мы продолжали жить в кисельной вселенной Лиги наций, нафантазированной этими людьми. В век фюреров и бомбардировщиков это стало несчастьем. Как бы мало нам это ни нравилось, чтобы выжить, надо быть сильным. Нация, приученная мыслить гедонистически, не может уцелеть среди народов, которые работают, как рабы, плодятся, как кролики, и главным своим занятием считают войну. Английские социалисты чуть ли не всех расцветов хотели противостоять фашизму, но в то же время стремились сделать своих соотечественников беззащитными. Им это не удалось, потому что старые привязанности в Англии крепче новых. Но, несмотря на всю «антифашистскую» героину левой прессы, много ли шансов было бы у нас в войне с фашизмом, если бы рядовой англичанин был таким существом, каким его хотели сделать «Нью стейтсмен», «Дейли уоркер» или даже «Ньюс кроникл»?

До 1935 года практически все английские левые были нерешительными пацифистами. После 1935-го наиболее голосистые из них кинулись в движение «Народного фронта», которое было просто уходом от проблемы, возникшей в связи с фашизмом. Оно обозначило себя как антифашистское в чисто негативном смысле – «против» фашизма, но без какой-либо различимой политики «за», – и крылась под этим дряблая мысль, что, когда дойдет до дела, драться за нас будут русские. Поразительно, до чего живуча эта иллюзия. Каждую неделю в газеты потоком идут письма о том, что, если бы у нас было правительство без консерваторов, русские, наверно, перешли бы на нашу сторону. Или же мы должны обозначить такие

высокие цели в войне (см. книги, подобные «Unser Kampf»¹⁷, «Сто миллионов союзников – если мы захотим» и т. д.), что европейские народы тоже поднимутся на борьбу с Гитлером. Идея всегда одна и та же – искать вдохновения за границей, найти кого-то, кто будет драться вместо тебя. За этим – страшный комплекс неполноценности английского интеллектуала, убеждение, что англичане потеряли боевой дух, больше не способны терпеть.

На самом деле, нет никаких оснований думать, что кто-то будет сражаться вместо нас, кроме китайцев, которые воюют уже три года. Русских, возможно, вынудят драться на нашей стороне, если на них нападут; но они ясно дали понять, что не станут воевать с немцами, если этого можно будет избежать. В любом случае, их вряд ли вдохновит на войну зрелище левого правительства в Англии. Нынешний русский режим почти наверняка отнесется враждебно к любой революции на Западе. Покоренные народы Европы восстанут, когда Гитлер зашатается, – не раньше. Наши потенциальные союзники – не европейцы, а американцы, которым понадобится год, чтобы мобилизовать свои ресурсы – если еще удастся поставить в строй крупный бизнес, – и, с другой стороны, цветные народы, которые даже сочувствовать нам не будут, пока у нас не начнется революция. Долгое время – год, два года, возможно, три – Англии предстоит быть амортизатором мира. Нас ожидают бомбежки, голод, переутомление, грипп, скука и коварные предложения мира. Ясно, что теперь нам надо собраться с духом, а не подрывать его. Вместо того чтобы машинально становиться в антибританскую позу, что стало привычкой у левых, лучше бы подумать о том, как будет выглядеть мир, если погибнет англоязычная культура. Ибо наивно думать, что другие англоязычные страны, даже США, не пострадают, если потерпит поражение Британия.

Лорд Галифакс и все его племя верят, что, когда война кончится, все встанет на свои места. Снова – дурацкие дорожки Версаля, снова «демократия», то есть капитализм, снова очереди за пособиями и «роллс-ройсы», снова серые цилиндры и брюки в клетку *in saecula saeculorum*. Понятно, что ничего такого не будет. Бледная имитация этого может иметь место в случае договорного мира, но не долго. Неконтролируемый капитализм приказал долго жить¹⁸. Выбор теперь такой: либо то коллективистское общество, которое построил Гитлер, либо то, которое может возникнуть, если он будет побежден.

Если Гитлер выиграет войну, он получит господство над Европой, Африкой и Ближним Востоком, и если его армии к тому времени не слишком истощатся, он оторвет громадные территории у Советского Союза. Он построит кастовое общество, где немецкий *Herrenvolk* («высшая раса» или «раса хозяев») будет править славянами и другими, меньшими народами, которые будут производить дешевую сельскохозяйственную продукцию. Цветные народы он навсегда обратит в рабство. Подлинная причина ссоры фашистских держав с британским империализмом в том, что они поняли: империя распадается. Еще двадцать лет эволюции в том же направлении, и Индия будет крестьянской страной, связанной с Англией только добровольным союзом. «Полубезьяны», о которых Гитлер говорит с таким отвращением, будут летать на самолетах и производить пулеметы. Фашистская мечта об империи рабов развеется. С другой стороны, если нас победят, мы просто отдадим наших жертв новым хозяевам, которые возьмутся за дело со свежими силами, не ведая угрызений.

Но речь идет не только о судьбе цветных народов. Битва идет между двумя несовместимыми мировоззрениями. «Между демократией и тоталитаризмом, – говорит Муссолини, – не может быть компромисса». Эти две идеологии не могут даже рядом находиться продолжительное время. Пока существует демократия, даже в ее очень несовершенной английской форме, тоталитаризму грозит смертельная опасность. Во всем англоязычном мире жива

¹⁷ Книга Ричарда Аккланда (член парламента от либеральной партии с 1935 года; во время войны – социалист-утопист, после войны присоединился к лейбористской партии).

¹⁸ Интересно отметить, что посол США в Британии господин Кеннеди в октябре 1940 года заявил по возвращении в Нью-Йорк, что эта война «покончила с демократией». Под «демократией» он понимал частный капитализм.

идея человеческого равенства, и хотя будет ложью сказать, что мы или американцы когда-либо осуществили то, о чем так горячо говорим, идея такая есть, и в один прекрасный день она может стать реальностью. Из англоязычной культуры, если она не погибнет, рано или поздно вырастет общество свободных и равных людей. Но именно для того, чтобы истребить идею человеческого равенства – «еврейскую» или «иудео-христианскую» идею равенства, – и явился на свет Гитлер. Видит небо, он сам об этом часто говорит. Мысль о мире, где черные люди будут не хуже белых, а с евреями будут обращаться как с людьми, приводит его в такой же ужас и отчаяние, как нас – мысль о бесконечном рабстве.

Важно помнить, что эти два мировоззрения непримиримы. Вполне возможно, что в течение следующего года среди левой интеллигенции возникнут прогитлеровские настроения. Признаки этого уже наблюдаются. Достижения Гитлера хорошо заполняют пустоту этих людей, а пацифистам позволяют удовлетворить свои мазохистские инстинкты. Более или менее известно заранее, что они скажут. Прежде всего они станут отрицать, что британский капитализм эволюционирует или что поражение Гитлера означало бы не больше, чем победу британских и американских миллионеров. Отсюда будет следовать, что демократия, в конце концов, «ничем не отличается» от тоталитаризма или «ничем его не лучше». В Англии не очень большая свобода слова; следовательно, ее не больше, чем в Германии. Стоять в очереди за пособием – ужасно; следовательно, находиться в пыточной камере гестапо – не хуже. Словом, своими грехами чужой искупим, кривой слепого не зрячее. Но на самом деле, что бы ни говорили о демократии и тоталитаризме, неправда, будто они одно и то же. Это было бы неправдой, даже если бы британская демократия не эволюционировала, а осталась на нынешней стадии. Вся концепция военизированного континентального государства с его тайной полицией, цензурой и принудительным трудом в корне отлична от концепции рыхлой приморской демократии с ее трущобами и безработицей, ее забастовками и партийной политикой. Это разница между сухопутной державой и морской державой, между жестокостью и бестолковостью, между ложью и самообманом, между эсэсовцем и сборщиком квартирной платы. И, выбирая между ними, вы выбираете не столько между тем, что они есть, сколько между тем, во что они способны превратиться. Но в каком-то смысле несущественно, «лучше ли» демократия, в высшем ее выражении или низшем, чем тоталитаризм. Чтобы решить это, надо доискаться абсолютных критериев. Единственный существенный вопрос – на чьей стороне будут твои симпатии, когда придется выбирать.

Интеллектуалы, которые так любят сравнивать демократию с тоталитаризмом и доказывать, что они одним миром мазаны, – просто легкомысленные люди, которых жизнь не сталкивала с реалиями. Заигрывая с фашизмом, они демонстрируют такое же непонимание его сегодня, как и год-другой назад, когда визжали от негодования. Вопрос состоит не в том: «Можете ли вы в дискуссионном клубе привести аргументы в пользу Гитлера?» Вопрос стоит иначе: «Вы в эти аргументы верите? Вы хотите подчиниться власти Гитлера? Вы хотите, чтобы Англию завоевали, или нет?» Надо выяснить для себя эти вопросы, прежде чем легкомысленно заигрывать с врагом. Ибо нейтральности в войне не бывает; на деле ты должен помогать одной стороне или другой. Когда наступает решительный момент, ни один человек, воспитанный в западной традиции, не может принять фашистского представления о мире. Важно понять это сейчас и понять, что из этого следует. При всей ее лености, лицемерии и несправедливости англоязычная цивилизация – единственное большое препятствие на пути Гитлера. Это – живое опровержение всех «непреложных» догм фашизма. Вот почему все фашистские авторы годами твердят о том, что мощь Англии должна быть уничтожена. Англию надо «ликвидировать», «стереть с карты». В стратегическом плане война могла бы закончиться так, чтобы Гитлер завладел Европой, а Британская империя осталась бы в целости и британское морское могущество почти не пострадало. Но это невозможно идеологически; если бы Гитлер выдвинул такое предложение, то только с коварной целью: добраться

до Англии окольным путем или улучшить момент для новой атаки. Он не может допустить, чтобы Англия оставалась чем-то вроде воронки, через которую смертоносные идеи из-за Атлантики потекут в полицейские государства Европы.

Вернемся, однако, к нашей точке зрения. Перед нами громадная задача: сохранить нашу демократию более или менее в том виде, в каком мы ее знаем. Но сохранить – всегда значит расширить. Выбор перед нами – не столько между победой и поражением, сколько между революцией и апатией. Если то, за что мы сражаемся, будет уничтожено, уничтожено оно будет отчасти по нашей вине.

Может случиться так, что Англия введет у себя начатки социализма, превратит эту войну в революционную и все же потерпит поражение. Во всяком случае, такое можно себе представить. Но как ни ужасно было бы это сегодня для всякого взрослого британца, гораздо пагубнее был бы «компромиссный мир», на который надеются несколько богатых людей и их наемные лжецы. Окончательно погубить Англию может только английское правительство, действующее по указке Берлина. Но это не произойдет, если Англия вовремя очнется. Тогда поражение будет очевидным, борьба будет продолжаться, идея будет жива. Разница между поражением в бою и капитуляцией без боя – вовсе не вопрос «чести» и бойскаутской доблести. Гитлер сказал однажды, что признать поражение – значит убить дух нации. Фраза трескучая, но по существу совершенно верная. Поражение в 1870 году не уменьшило мирового влияния Франции. Третья республика в интеллектуальном плане была влиятельнее, чем Франция Наполеона III. А тот мир, который заключен Петеном, Лавалем и компанией, может быть куплен только ценой сознательного уничтожения собственной культуры. Правительство Виши будет пользоваться псевдонезависимостью только при условии, что оно истребит все отличительные черты французской культуры: республиканство, светский характер государства, уважение к интеллекту, отсутствие расовых предрассудков. Окончательно победить нас нельзя, если мы заранее начнем революцию. Возможно, мы увидим, как немецкие войска маршируют по Уайтхоллу, но начнется другой процесс, в перспективе смертельный для немецкой мечты о господстве. Испанский народ потерпел поражение, но то, что он понял за эти два с половиной памятных года, когда-нибудь ударит по испанским фашистам, как бумеранг. В начале войны любили приводить одну напыщенную цитату из Шекспира. Если память мне не изменяет, ее вспомнил даже мистер Чемберлен:

Пусть приходят враги теперь со всех концов земли,
Мы сможем одолеть в любой борьбе, —
Была бы Англия верна себе¹⁹.

Это верно, если верно это понять. Но Англия еще должна стать верной себе. Она не верна себе, пока беженцы, прибившиеся к ее берегам, сидят в концентрационных лагерях, а директора компаний разрабатывают тонкие схемы, чтобы увильнуть от дополнительного подоходного налога. Надо расстаться с «Татлером» и «Байстендером» и сказать «прощай» даме в «роллс-ройсе». Наследники Нельсона и Кромвеля не сидят в палате лордов. Они на полях и на улицах, на фабриках и в вооруженных силах, в дешевом баре и пригородном садике, и сегодня им не дает подняться поколение призраков. Истинная Англия должна раскрыться, и рядом с этой задачей даже победа в войне, хотя она и необходима, – вторая на очереди. Через революцию мы станем ближе к себе, а не дальше. Не может быть и разговора о том, чтобы остановиться на полпути, заключить компромисс, спасти тонущую «демократию», остаться на месте. Ничто и никогда не остается на месте. Мы должны приумножить

¹⁹ У. Шекспир. «Король Иоанн». (Перевод Н. Рыковой.)

наше наследие, или потеряем его; мы должны стать больше, или станем меньше; мы должны идти вперед, или вернемся вспять. Я верю в Англию и верю, что мы пойдем вперед.

Февраль 1941 г.

Лир, Толстой и шут

Статьи Толстого – наименее известная часть его творчества, и его критический очерк о Шекспире²⁰ даже трудно достать, по крайней мере, в английском переводе. Поэтому, наверное, стоит кратко изложить его, прежде чем обсуждать.

Толстой начинает с того, что всю жизнь Шекспир вызывал у него «неотразимое отвращение» и «скуку». Сознавая, что мнение цивилизованного мира – против него, он снова и снова брался за Шекспира, читал и перечитывал его, и по-русски, и по-английски, и по-немецки; но «безошибочно испытывал все то же: отвращение, скуку и недоумение». Теперь, в 75-летнем возрасте, он вновь перечел всего Шекспира, включая исторические драмы, и «с еще большей силой испытал то же чувство, но уже не недоумения, а твердого, несомненного убеждения в том, что та непрекаемая слава великого, гениального писателя, которой пользуется Шекспир и которая заставляет писателей нашего времени подражать ему, а читателей и зрителей, извращая свое эстетическое и этическое понимание, отыскивать в нем несуществующее достоинство, есть великое зло, как и всякая неправда».

Шекспира, добавляет Толстой, нельзя признать не только гением, но даже «косвенным сочинителем», и в доказательство берется разобрать «Короля Лира», восторженно восхваляемого критиками, что подтверждается цитатами из Хэзлитта, Брандеса²¹ и других, и могущего послужить примером лучших шекспировских драм.

Затем Толстой излагает содержание «Короля Лира», на каждом шагу находя пьесу глупой, многословной, неестественной, невнятной, высокопарной, пошлой, скучной и полной невероятных событий, «бессвязных речей», «несмешных шуток», неуместностей, анахронизмов, отживших театральных условностей и других изъянов, моральных и эстетических. При этом «Лир» – переделка старой и несравненно лучшей пьесы неизвестного автора «Король Лир», которую Шекспир переписал и испортил. Чтобы продемонстрировать, как действует Толстой, приведу типичный абзац. Вторая сцена третьего акта (Лир, Кент и шут в степи, буря) излагается так:

«Лир ходит по степи и говорит слова, которые должны выражать его отчаяние: он желает, чтобы ветры дули так, чтобы у них (у ветров) лопнули щеки, чтобы дождь залил всё, а молнии спалили его седую голову, и чтобы гром расплющил землю и истребил все семена, которые создают неблагодарного человека. Шут подговаривает при этом еще более бессмысленные слова. Приходит Кент. Лир говорит, что почему-то в эту бурю найдут всех преступников и обличат их. Кент, всё не узнаваемый Лиром, уговаривает Лира укрыться в хижину. Шут говорит при этом совершенно неподходящее к положению пророчество, и они все уходят».

Окончательный приговор Толстого «Лиру» таков, что у всякого человека, если он не находится под внушением и прочел драму до конца, она не может вызвать ничего, кроме «отвращения и скуки». То же самое относится ко «всем другим восхваляемым драмам Шекспира, не говоря уже о нелепых драматизированных сказках, вроде «Перикла», «Двенадцатой ночи», «Бури», «Цимбелина», «Троила и Крессиды».

Покончив с «Лири», Толстой предъявляет Шекспиру более общее обвинение. Он находит, что Шекспиру присуще определенное техническое умение, отчасти объясняющееся тем, что он был актером, но больше никаких достоинств за ним не признает. Шекспир не

²⁰ «О Шекспире и драме». Статья писалась в 1903–1904 гг., впервые опубликована в ноябре 1906 г. В 1907 г. вышла на английском языке вместе со статьей Э. Кросби «Шекспир и рабочий класс».

²¹ Уильям Хэзлитт (1778–1830) – английский критик, теоретик романтизма. Георг Брандес (1842–1927) – датский литературовед и критик. Его книга «Шекспир, его жизнь и произведения» вышла в России в 1901 году.

способен изображать характеры, а слова и действия у него не вытекают естественно из положений; речи действующих лиц напыщенны и нелепы, собственные случайные мысли он то и дело вкладывает в уста первому подвернувшемуся персонажу; он обнаруживает «полное отсутствие эстетического чувства», и его сочинения «совершенно ничего не имеют общего с художеством и поэзией». «Что бы ни говорили о Шекспире, – заключает Толстой, – он не был художником». Кроме того, его мнения не оригинальны и не интересны, и его мировоззрение – «самое низменное и пошлое». Любопытно, что последнее суждение Толстой основывает не на словах самого Шекспира, а на утверждениях двух критиков – Гервинуса²² и Брандеса. Согласно Гервинусу (по крайней мере, в толстовском прочтении Гервинуса), «Шекспир учил... что можно слишком много делать добра», а согласно Брандесу, «основной принцип Шекспира состоит в том, что цель оправдывает средства». От себя Толстой добавляет, что Шекспир был отъявленным шовинистом, но кроме этого, считает он, Гервинус и Брандес правильно и полно охарактеризовали его мировоззрение.

Затем Толстой в нескольких абзацах очерчивает свою теорию искусства, подробно изложенную в другой статье. Вкратце она требует значительности содержания, технического мастерства и искренности. Великое произведение искусства должно говорить о предмете «важном для жизни людской», выражать то, что живо чувствует сам автор, и использовать технические приемы, которые обеспечат желаемый эффект. Поскольку мировоззрение у Шекспира низменно, исполнение неряшливо, а искренности нет и в помине, он приговорен.

Но тут возникает трудный вопрос. Если Шекспир таков, каким его представил Толстой, почему им так восхищаются? Очевидно, объяснить это можно только каким-то массовым гипнозом – «эпидемическим внушением». Весь цивилизованный мир был введен в заблуждение, будто Шекспир хороший писатель, и даже самое очевидное доказательство обратного ничего не может изменить, потому что мы имеем дело не с обоснованным мнением, а с чем-то вроде религиозной веры. На протяжении всей истории, говорит Толстой, было бесконечное множество таких «эпидемических внушений» – например, крестовые походы, поиски философского камня, помешательство на тюльпанах, некогда охватившее всю Голландию, и т. д. и т. п. В качестве недавнего примера он приводит, – что весьма характерно, – дело Дрейфуса, без достаточных на то оснований переполошившее весь мир. Такими же внезапными кратковременными наваждениями могут стать новые политические и философские теории или тот или иной писатель, художник, ученый – например, Дарвин, который (в 1903 году) уже «начинает забываться». А в некоторых случаях совершенно никчемный идол может сохранять популярность веками, ибо «такие наваждения, возникнув вследствие особенных, случайно выгодных для их утверждения причин, до такой степени соответствуют распространенному в обществе, и особенно в литературных кругах, мировоззрению, что держатся чрезвычайно долго». Пьесами Шекспира восхищаются так долго потому, «что они соответствовали арелигиозному и безнравственному настроению людей высшего сословия нашего мира».

²² Георг Готфрид Гервинус – немецкий шекспировед, автор капитального труда «Шекспир» (1849–1850).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.